

Лев Голубев-Качура

За что, Господи?

РОМАН

Лев Голубев-Качура
За что, Господи? Роман

«Издательские решения»

Голубев-Качура Л.

За что, Господи? Роман / Л. Голубев-Качура — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933041-3

В книге два небольших остросюжетных романа как-бы связанных одной темой — драматическими перипетиями жизни. Первый: охватывает период от ВОВ до наших дней, и как она, война, повлияла на жизнь людей в будущем. Это драма. Второй: о современной девушке, окончившей институт. Она влюбляется в лётчика полярной авиации. Летит к нему на собственную свадьбу и узнаёт...

ISBN 978-5-44-933041-3

© Голубев-Качура Л.
© Издательские решения

Содержание

ЗА ЧТО, ГОСПОДИ?	6
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	56

За что, Господи? Роман

Лев Голубев-Качура

*Посвящаю жене —
верному другу
и помощнику*

© Лев Голубев-Качура, 2018

ISBN 978-5-4493-3041-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗА ЧТО, ГОСПОДИ?

(Роман в трёх частях)

Часть первая ПОЖАР

*Не прелюбодействуй. Не укради.
Не желай жены ближнего твоего
(Пятая книга Моисея)*

Глава первая КИРИЛЛ

Он сидел на лавочке перед крыльцом пятиэтажки в трусах и потерявшей свой первоначальный цвет майке, с незастёгнутыми сандаletами на голых ногах, и курил сигарету. Тело обдувало предрассветным, шаловливым ветерком. Лавочка пропиталась ночной прохладой и приятно холодила зад. Сигаретный дым, словно назойливый комар, пытался залезть в глаза, заставлял щуриться и отмахиваться от него рукой. По какому-то наитию Кирилл приподнял голову и увидел, как первые лучи солнца, появившиеся над крышей соседнего дома, отразились «зайчиками» от огромных, витринных зеркальных стёкол, почему-то закрытого сегодня «SUPERSHOPa».

Почему «SHOP»? – удивлённо пожал Кирилл плечами, да ещё и «SUPER». Ну, скажите на милость, какой нормальный человек назовет обыкновенный продовольственный круглосуточный магазин смешанных товаров, или попросту «ГАСТРОНОМ», каким-то там «SHOPом»? Мы же в Казахстане живём, а не за границей какой-то там! Причём здесь «Опа, опа, Америка, Европа?»

Нет, ребята, я вот, что вам скажу – вёл он мысленный спор с невидимым собеседником – хоть и болит у меня голова с похмелья, но всё равно, я этого не понимаю. Ну, совершенно не понимаю, и... не принимаю. Я всё же считаю, должен быть «Дукен», «Азык-тулик», или «Коконис-жемис», то есть, всё на казахском языке, или..., дополнительно, на моём родном – русском, высказал своё мнение невидимому собеседнику Кирилл. А то, что же это получается...

Предлагаешь, к примеру, девушке свидание и говоришь ей, так это, знаете, культурненько: «Сегодня погода плохая, дождик моросит, а у тебя зонтика нет, а мне, понимаешь, пока не на что купить, видишь ли, до полочки ещё, как до Африки пешком! Давай встретимся в семь ноль-ноль в SHOPe». А вдруг она не так поняла, или у тебя, допустим, дефект речи? Так недолго и по физиономии заработать, и подругу любезную навсегда потерять. Не-ет, что ни говори, а нет у заграничного языка той красоты и напевности, как у нашего.... Нет... О-хо-хо! Грехи наши тяжкие!

* * *

Пешеходы и автобусы ещё спали. Не слышался всегдашний железный скрежет бегающих туда-сюда трамваев. Голуби, по всей видимости, тоже спали. Во всяком случае, они не бродили по двору, выискивая только им видимый корм.

На деревьях, под мягким дуновением ветерка, пошевеливались – то один, то сразу несколько ещё не успевших опасть по случаю осени жёлтеньких листочков. А то, вдруг, как зашумит всё дерево – так и казалось, что оно встряхивалось, снимая с себя остатки ночного колдовского сна.

Хлопнула входная дверь, и мимо Кирилла проскочил сосед Максим, на ходу дожёвывая пирожок. На бегу кивнув приветственно головой, он помчался на свой утренний, дежурный автобус.

Весь город ещё спал, набираясь сил перед новым трудовым днём. Никто и ничто не мешало Кириллу сидеть на лавочке и впитывать в себя, по капелькам, утреннюю прохладу. Она разливалась по всему телу, впитывалась в кровь и мозг, наполняла свежестью забитые сигаретным дымом лёгкие.

Ах, как хо-ро-шо то..., если бы не болела голова.... Хорошо, что у нас с Нинкой первый этаж – еле переваливаясь, ворочалась в голове тягучая, словно асфальтовая смола, мысль. Как-то приятней, когда земля рядом – падать ближе, а если и упадёшь – не так больно, посмеялся он про себя.

Голова продолжала разламываться от похмельной боли. И если ею пошевелить, хоть чуть-чуть, где то внутри, глубоко-глубоко, возникал звон колоколов, а сама она готова была, так казалось Кириллу, разорваться как граната, и разлететься на мелкие-мелкие кусочки....

И чтобы этого ненароком не случилось, Кирилл, так, на всякий случай, обхватил её ладонями.

Во рту было горько от попавших табачных крошек дешёвой сигареты и никотина.

Голова кружилась от выпитой вчера бутылки водки, да ещё с такой «закуской» – четверть буханки зачерствевшего хлеба, и банка кильки в томате на четверых.

Ну, скажите люди добрые, почему в магазине не продают кильку в масле, а только эту, как её – кошачью радость? – подумал Кирилл, и перед его взором, откуда-то издалека, выплыла открытая банка с килькой в масле «Провансаль». Килька в ней была вся золотистая, уложенная ровными плотными рядами и залитая, янтарного цвета, прованским маслом. Казалось, он даже почувствовал его запах, а во рту ощутил упругость золотистых рыбок.... Ооо!

От такого наваждения ему стало даже обидно, что это не настоящее, а лишь химера, его желание, и в животе моментально заурчало от голода.

«Эх, ма – была бы денег, тьма!» – пробормотал он, и даже попытался покачать головой.

Мысли еле-еле, словно так и застряли в жидком гудроне, продолжали тяжело ворочаться в болевшей от глубокого похмелья, голове.

Гос-по-дии! До какого состояния может довести себя человек, если даст слабинку своей воле..., чуточку расслабитесь, да к тому же ещё... «раздавит» бутылку «Зелёного змия», считай без закуси. Тогда... всё – туши свечи! – как-бы чуточку, ну..., самую-самую малость, пожалел себя Кирилл.

Ёлы-палы, и надо было мне пить эту чёртову водку? Ну, расстроился! Ну, вышел из себя! Так, что! Обязательно водка? – в который раз казнил себя Кирилл. Хотя – поначалу, она, чертовка, конечно, ой, как здорово помогает. Притупляются обиды, забываются разные жизненные неприятности..., ну, вот взять... хотя бы мою, вчерашнюю...

Кирилл потёр, массируя, лоб, чтобы легче было вспоминать.

И ведь вспомнил, оказывается.

Наверно массаж помог, с иронией подумал он, и чуть заметная улыбка искривила его рот: нёс, вчера, к прилавку этой... сварливой карге, ящик помидоров..., ну, споткнулся обо что то и, как в фильме..., как же он называется-то...? Пожалуй, сразу, без напряжения, и не вспомню даже..., а может быть, и вспомню.... Что-то там о бриллиантах... кажется, и... ещё какой-то там руке.... Ага-ага! Вспомнил, ёлы-палы! Как говорили мы раньше-то, в детстве – «Моряк с печки бряк, растянулся, как червяк».

Нет, опять не то.... Вот чёрт, так недолго и совсем отупеть. Ах, дааа!.. Вот теперь, точно, вспомнил! «Бриллиантовая рука» – вот, как он называется. Нет, ты только посмотри..., оказывается, помню ещё кое-что, ей богу помню. Не совсем разум-то растерял, не совсем.... Вот «Молодец, солёный огурец!»

...Ну, знамо дело, шлёпнулся вместе с помидорами на пол, чёрт побери. Господи, делов-то..., ну, с кем не бывает? Так Васька-буржуй коршуном налетел, клекочет: «За весь ящик помидоров вычту!» А почему, спрашивается, за весь ящик...? Я, когда отсортировал, так там,

килограммов пять-шесть целёхоньких осталось. Помыть – и весь базар. Вот живоглот, чтоб ему ни дна, ни покрывки!

А, вот, когда примешь на грудь пару-другую стаканчиков «лекарства от горя», всё становится – о, кэй! Даже жена – о, кэй!

Кажется, я Нинке так и брякнул с пьяни: «Ты у меня, Нинка – о, кэй!

Вчера...? Или позавчера?

Чёрт! Опять забыл что ли?

Так она, дура, нет, чтобы поблагодарить за ласковые слова, высказалась, типа – пить надо меньше! Ещё и губы брезгливо скривила – сволочь!

Конечно, у кого неприятностей не бывает? У всякого человека они есть: даже, у самого-самого крутого, а уж у мелких людишек (таких, как я теперь) – вагон и маленькая тележка. Это точно!

Ох, Господи, как голова-то болит...!

Это, конечно, магазин виноват, решил Кирилл перефутболить своё пьяное состояние с себя на магазин. Почему допоздна работает? Не работал бы – я бы водки не купил. Не купил бы водки – не напился бы. Не напился бы – не болела бы голова...

Даа... Философия... Так можно до чего угодно додуматься – проползла гусеницей мысль в голове. Неет..., так дело не пойдёт. Срочно нужно бросать курить и, конечно же, столько пить... Вот! Вот возьму, и прямо сейчас брошу! Что, в конце-концов, не мужик я, что ли?! – захорохорился Кирилл, и даже попытался выпрямить спину, но в голове от принятого движения тут же что-то стрельнуло, и он охнув, вновь сгорбился...

Посидев в такой позе какое-то время, Кирилл хотел было поплевать на потухший окурок, но во рту было сухо, как в пустыне Сахара, так сухо, что нёбо и язык показались ему двумя наждачными шкурками. Если ими потереть друг о друга, усмехнулся он про себя, то раздастся скрежет трущихся друг о друга песчинок.

И тут же мысль, как-бы не желая покинуть продолжавшую болеть голову, нечаянно зацепилась за... Сахара: это что же, в ней вместо песка сахар лежит и ветром туда-сюда перегоняется? – съёрничал он. Вот бы всех алкашей туда на исправление послать... Это ж надо, сколько самогону нагнали бы «Чистейшего», словно девичья слеза. Чем не прибыль государству.

От такой мысли Кириллу стало так весело, что он даже попытался засмеяться, но смог только криво улыбнуться.

«Ну, мужик, ты даёшь!» – сам себя похвалил Кирилл... А голову всё-таки здорово «ломит», со вздохом решил он. Может, попросить Нинку сходить за кефиром? Хотя нет, с такой болью в голове кефир не справится. Сейчас лучше бы пивка! Да не пойдёт ведь... зараза упё-ёр-тая. Сейчас, поди, без задних ног дрыхнет и во сне видит, как от мужа-алкаша избавляется!

Ей что, у неё голова с похмелья не болит. Не-пью-щая! Тьфу! Ну, что за человек такой неполноценный – даже пиво не употребляет...

Пойти всё-таки, разбудить что ли? Или не стоит?

Кирилл, вперив взгляд себе под ноги, хмуро задумался, а мысль черепашьими шагами всё двигалась и двигалась, и конца-краю ей не было видно.

...Опять же, разбудишь её на свою голову... Она, как всегда в таких случаях, заведёт бодягу – «Денег нет, хлеба нет, а ты даже те копейки несчастные, что на своём рынке зарабатываешь и те пропиваешь. – Посмотри на себя – во что ты превратился? Найди работу... нормальную. Вон, сосед... Максим, шоферит – так и живут себе... обзавидуешься, не то, что мы с тобой!»

Тьфу! Достала! Хоть домой не появляйся. И денег в кармане..., Кирилл полез было в карман за деньгами, но тут вспомнил, что сидит он на лавочке в трусах и майке и, что народ скоро

начнёт просыпаться, а он, дипломированный инженер-механик..., то есть, совсем-совсем бывший начальник отдела...

Так и не додумав мысль до конца, он, поддерживая разламывающуюся от боли голову рукой, медленно стал подниматься на крыльцо.

Глава вторая

НИКОЛАЙ

Он всегда просыпается в одно, и тоже время, словно в голову у него встроен будильник. И сегодня произошло точно так же: только он поднял веки, как в глаза брызнуло ранними солнечными лучами – значит, день будет погожим и, по-осеннему прохладным.

Осторожно выбравшись из-под одеяла, чтобы не потревожить спавшую рядом жену, Николай подошёл к окну. Над деревьями и домами куполом застыло чистое, голубое небо, ещё не закрытое от глаз автомобильным смогом. Ярко светило, чуть поднявшееся над проснувшимся городом, солнце. За окном, на деревьях уже копошились неугомонные воробьи. Они подняли такой гвалт, что своим щебетанием заглушили шум просыпавшегося города, и только изредка, в редкие перерывы, можно было расслышать сигнал проезжающего автомобиля или стук каблучков спешащей по своим делам женщины, или «стреляющей» по сторонам глазками, красавицы-девушки.

Налюбовавшись на воробьиные скоки-перескоки, и послушав их, казалось, сумбурное щебетание, Николай пошел в ванную.

Пока он умывался и чистил зубы, в голову лезли разные приятные мысли. Настроение было отличное и, Николай, смотря на себя в зеркало, весело щурил глаза. А тут ещё память подкинула ему проведённый дома с женой вчерашний вечер – за бутылкой шампанского, и приготовленного ею, прекрасно сервированного ужина.

Где она только научилась этому? – ласково подумал он о кулинарных способностях жены. Наверное, у своей матери. В институте такого предмета, как правильно сервировать стол для мужа, нет. По своей учёбе помню. Это вам не институт благородных девиц..., а, в общем-то, жаль конечно. Могли бы ввести такой предмет, чай, не в каменном веке живём. За окном уж третье тысячелетие народилось...

Потом у них была восхитительная ночь любви. Ах, какая это была ночь...!

Всё-таки у него прекрасная жена, и он её очень любит. Света-светлячок...! Повезло ему с ней! Надеюсь, и ей со мной тоже? И, вообще, они прекрасная пара, и смотрятся – дай бог каждому!

Когда они входят в фойе театра или в зал ресторана: она – в вечернем платье, он – в элегантном костюме...

Николай частенько ловил брошенные в их сторону завистливые взгляды мужчин и, оценивающие – женщин. Даа..., они всегда обращали на себя внимание присутствующих.

Уже завязывая галстук на белоснежной рубашке – современная прачечная, это вам не то, что лет десять-пятнадцать назад – он услышал, как в спальне завопилась жена: по-видимому, она проснулась, когда Николай готовил себе завтрак. Он мгновенно представил её себе... всю: проснувшуюся, на пахнувшей фиалкой простыне, в неглиже, розовую после сна, и тёплую....

Ооо...!

Возникшее мгновенно «желание» заставило замедлить движение рук, тело напряглось и, ему нестерпимо захотелось к ней. Захотелось вновь прижаться к её, такому тёплому, такому нежному, и такому желанному телу. Захотелось прикоснуться к её нежным губам поцелуем, а потом, целовать, целовать, целовать всю её...

От представшей перед глазами картины любви, он даже застонал от возникшего желания!

Чёрт с ней, с работой! – мелькнула мысль. Обойдутся. И, на ходу срывая галстук, рубашку и брюки, разбрасывая их по прихожей, он ворвался в спальню...

А, она, словно почувствовала его желание, или какими-то, неведомыми ему волнами передалось его состояние ей, уже ждала его лёжа на спине с раскрытыми для объятий руками...

Её светло-розовое тело, с тёмными вишенками сосков и тёмно-русый треугольником волос в низу живота, лежало на простыне постели, и притягивало его взгляд, словно магнитом...

Их руки и ноги переплелись в страстном порыве желания и любви...

Они часто и прерывисто задышали..., а затем пришло то, что всегда приходит – из её уст он услышал тихий стон, потом ещё один...

– Тебе было хорошо со мной? – прошептал Николай, лёжа на боку и смотря в Светкины огромные зелёные глаза.

– Да, – в ответ, чуть слышно, прошептала она и, повернувшись, прижалась к нему всем телом.

– Ты любишь меня? – ещё тише спросил он с надеждой и волнением.

– Даа. Очень-очень.

* * *

В офисе Николай появился с опозданием часа на два. Встретив удивлённо-вопросительный взгляд секретарши Зиночки, он чуть покраснел.

Что подумают сотрудники о своём шефе, никогда не опаздывавшем и строго наказывающем за опоздания? – мелькнула у него мысль, но он отмахнулся от неё. Ааа, пусть что хотят, то и думают, могу я хоть разок опоздать в конце-концов, мало ли какие у меня дела.

– Зина, пожалуйста, принесите сводку поступлений от продажи проездных билетов за прошлый месяц, поздоровавшись, попросил он и, проходя в свой кабинет, хотел ещё добавить, но не успел...

– Николай Александрович! Вас..., там..., в кабинете, ожидают... двое..., давно, – перебила чуть смущённо секретарша. Я..., я не разрешала им заходить в ваш кабинет, но они не послушались..., они сказали, что вы ничего *против* иметь не будете...

– Надеюсь. – Зина, Вы им чаю предложили?

– Да, но они отказались, – почему-то шёпотом проинформировала своего шефа, Зина. Они какие-то... И, поджав скорбно губы, замолчала.

– Хорошо, Зина, – я разберусь. – Пока ко мне никого не пускайте, и... не забудьте принести сводку, попозже, уже открывая дверь в свой кабинет, добавил он.

В мягких креслах, у журнального столика, сидели двое и, покуривая сигареты, о чём-то весело переговаривались. Увидев вошедшего Николая, поднялись.

В глаза бросилось: пепельница полна окурков, и две, почти одинаковые, тёмно-коричневые кожаные папки с застёжками «молния» в руках у ожидавших его людей. В кабинете сизым «коромыслом» повис сигаретный дым.

Поздоровавшись, Николай прошёл к окну и открыл одну створку, при этом, краем глаза заметил произвольное движение этих двоих в свою сторону, как-бы хотевших помешать ему подойти к окну.

Сев в своё любимое кресло за столом, он вопросительно посмотрел на этих, неизвестных ему людей и, насторожился. Что-то в них ему не понравилось. Мгновенно не понравилось. То ли как они одеты, то ли, уж очень пристально-изучающие его, взгляды. Но, что-то не понравилось. Что-то здесь было не так! И это «что-то» начинало беспокоить его.

Беспокойство медленной волной поднималось откуда-то снизу, от пупка и, поднимаясь вверх, заставляло в тревоге сжиматься сердце. Он не знал зачем они пришли, что можно ожидать от этих...

Затянувшуюся паузу, пока они изучали друг друга, прервал тот, что поменьше ростом и, плотнее. Одетый в тёмно-серый костюм и белую рубашку с расстегнутым воротом, из кото-

рого выглядывала мощная шея, он всей своей фигурой производил впечатление борца. Может, бывшего борца, но не потерявшего ещё своей физической формы. И пострижен он был, как борец. Короткие, с небольшой проседью на висках волосы, обрамляли его крупную голову с непропорционально маленьким, круто срезанным подбородком.

Интересное лицо, мелькнула мысль в голове Николая: судя по строению черепа – слабо-волен, но... внешность бывает обманчивой. Посмотрим, посмотрим...

– Позвольте представиться...

Поднявшись с кресла, произнёс «борец» с лёгким казахским акцентом, и небрежным жестом достал из внутреннего кармана пиджака какие-то красные корочки с гербом, очень похожие на удостоверение личности сотрудника полиции.

...Старший следователь следственного отдела УВД, капитан полиции – Акишев Ерлан Абзалович, – представился он. – А, это – старший лейтенант, Васильев Евгений Вячеславович, мой помощник, – показал он на поднявшегося вслед за ним из кресла, и вставшего рядом, сухощавого брюнета, внимательно смотревшего на Николая.

А вы, насколько я понимаю, э-э... директор автобусного парка?

– Да. Патин Николай Александрович...

...Вы по какому вопросу ко мне? Если Вы хотите заказать автобус, так это не ко мне, это к заместителю по эксплуатации. Я этим не занимаюсь...

– Вы не могли бы предъявить нам удостоверение личности? – перебил его борец. Затем, мы продолжим наш разговор, – дополнил он, провозжая напрягшимся взглядом руку Николая, полезшего во внутренний карман пиджака.

Изучив удостоверение, он как-бы нехотя вернул его.

– Присаживайтесь, я Вас слушаю, – Николай показал на стоящие в чинном порядке стулья возле стола заседаний.

«Борец», отодвинув ближний к Николаю стул, сел, положив перед собой папку. Второй, которого он представил старшим лейтенантом Васильевым, остался стоять, но чуть переместился к двери кабинета, словно преграждая путь.

Наблюдая за странными действиями пришедших, Николай терялся в догадках. Что может быть нужно полиции от него, директора автобусного парка средней величины? Какие нарушения допустили его сотрудники, вызвав интерес полиции?

– Скажите, где вы были..., сегодня..., примерно в пять-пять тридцать утра?

Перебил ход его тревожных мыслей, поинтересовался капитан.

...Хорошо подумайте, прежде, чем отвечать... Хорошо подумайте, – повторил полицейский, смотря Патину прямо в глаза.

Казалось, он надеялся, таким образом, прочитать ответ прежде, чем успеет Николай ответить, или что-либо придумать в ответ.

Глава третья

КИРИЛЛ

Кое-как поднявшись на крыльцо, Кирилл, с трудом, поминутно хватаясь за голову и постанывая, открыл дверь в подъезд. Перешагнув порог, он тут же получил сильнейший удар под зад. «Твою мать!» – падая на грязный пол, успел выматериться он: в голове словно что-то взорвалось, а в глазах от адской простреливающей боли в голове, сначала появились огненные всполохи, затем, потемнело.

«Чёртовы работнички!» – зашипел он от боли. А увидев свою окровавленную коленку, помянул «не злым, тихим словом» всю родню до седьмого колена того, кто поставил такую, чудовищно тугую пружину, на входную дверь.

«Бедные старушки и старички! – проскользнула в голове неожиданно-жалостливая мысль. То-то их меньше стало на лавочке сидеть. Попробуй, справишься с такой бессердечной дверью! Не дверь, а зверь!»

Красивая рифма у меня получилась! – сжав зубы от боли, похвалил себя Кирилл. Нет, ну, надо же, как под зад поддала!.. Найду, кто поставил пружину, руки и ноги поотрываю...

Он хотел улыбнуться от такой, пришедшей в голову, здоровой мысли, но в голове в этот момент что-то стрельнуло, и лицо его перекошилось от боли, превратив улыбку в болезненную гримасу.

Вот, чёрт! – опять подумал он с непонятным для себя чувством – надо же, как поддаёт!

Нинка спала. Кирилл прошёл на кухню и, открыв холодильник, искал, чего бы пожевать. Не найдя ничего съедобного, кроме полупустой пластиковой бутылки с подсолнечным маслом, буханки хлеба, пачки вермишели и сырой картошки, он сделал пару глотков прямо из горлышка бутылки... Мгновенная тошнота подступила к горлу и он, придерживаясь рукой за стену, поволокся в туалет.

Его хорошо «прополоскало».

Кое-как отдышавшись, напился воды из-под крана, затем, подставил голову под холодную струю. Стало чуть легче голове, и язык начал ворочаться во рту, словно наждачную бумагу заменили промокшей, изжёванной газетой.

Пойду, посплю немного, решил Кирилл. Во сне не так жрать хочется, а Нинка встанет, так чего-нибудь сообразит поесть – на то она и жена.

* * *

Он проснулся от тряски. Казалось, его везут в телеге по булыжной мостовой, а он лежит на голых досках. Огромные колёса, стуча по неровно мощёной булыжником улице, раскачивают телегу и бросают его из стороны в сторону. Потом пошёл дождь и, чтобы спрятаться от него, он стал закрываться руками... и, проснулся.

– Ты встанешь когда-нибудь, чёртов алкоголик? – услышал Кирилл «любезный» голос жены. Мне на работу пора, Кирилл, и тебе – тоже.

Так, это не телега и не дождь! – замедленно стал догадываться Кирилл. Это «любящая» жена трясла меня и поливала водой... – Ах, ты, стерва! Ах, ты, змея подколодная! – наливаясь злобой и, всё более и более ожесточаясь, ощерился он на жену. Ну, я тебе!

С трудом открыв глаза, первое, что он увидел – жена, стоящая с чайником в руке, и катящиеся по её щекам, крупные слёзы. Что-то ухнуло у него в груди, оборвалось. Дышать стало тяжело, а сердце зануло от непонятной жалости к ней, и он окончательно проснулся.

Кое-как сев в кровати, Кирилл виновато посмотрел на жену, и жалобно попросил: «Ты уж, Нина, не обижайся на меня, а! Я и сам себя казню за эти пьянки-гулянки, но пока ничего не могу поделаться с собой. Но постараюсь. Ей Богу, обязательно постараюсь. – Поверь мне, Нина!»

– Кирилл, я просто не знаю, – сквозь слёзы проговорила она, – ты столько раз клятвенно обещал мне бросить пить, что я уже перестала тебе верить.

– А ты, всё-таки, поверь, родная – взмолился он, ну, пожалуйста, поверь!

– В последний раз, Кирилл... в последний раз! – и она вновь, заплакала.

– Господи, Боже мой, Нина, радость моя, ну... хочешь, я поклянусь?

– Нет, Кирилл, – произнесла она с болью в голосе, а затем добавила, – ну, ладно... мне пора, я и так опаздываю на работу.... Ты, между прочим, тоже.

Осторожно одеваясь, чтобы не очень трясти всё ещё болевшую голову, Кирилл думал: о прожитых и потерянных впустую годах жизни; о своей жене – Нинке, отдавшей ему, неудачнику, свою любовь и молодость; о детях – выросших, и давно ставших самостоятельными...

Их любимица Светка даже замуж успела выйти, только-только закончив Семипалатинский медицинский институт. Правда, с мужем её, Николаем, они ещё не успели познакомиться.

Эхх! Даже на свадьбу не смогли поехать. Он тогда в загуле был. Соображалка вообще не работала. А Борис – их младшенький – студент-третьекурсник в Москве. Учится в автодорожном. Пошёл по стопам отца. Наследник! Продолжатель рода Соколовых!

* * *

Мысли, не слушаясь, потекли сами собой. За мыслями – память. Вначале всё было прекрасно. Он закончил строительно-дорожный институт в Усть-Каменогорске. Пригласили работать в автобусном парке. Работа нравилась. Переход от теории к практике не доставлял больших затруднений, тем более, что старшие, более опытные работники, всячески помогали. Потом в его жизни появилась Нина...

Познакомились они случайно. Он торопился на автобус, подошедший к остановке и, нечаянно толкнул стоявшую девушку. Она стала падать и он, подхватил её за талию, но так неаккуратно, что она чёт знает, что подумала про него и, мгновенно влепила звонкую пощёчину.

От неожиданности Кирилл разжал руки, а она, пытаясь не упасть и удержаться на ногах, всё-таки схватилась за него. Не удержав равновесия, оба грохнулись посередине остановки, на радость стоявшей здесь же детворе. Автобус, конечно же, ушёл без них. Она опоздала в педагогический институт на лекцию, а он, конечно же, на работу, в автопарк.

Это были счастливейшие дни их жизни. Они встречались, чуть ли не ежедневно. Вечерами бегали в кафетерий на углу – пить кефир с булочкой, а потом бежали на танцы, или просто гуляли по дорожкам парка, пугая своим появлением таких же влюблённых. И... целовались!

Они целовались везде: в парке на скамейке, в кинотеатре во время киносеанса, и даже в автобусе...

Им было так хорошо вместе!

У Кирилла на лице постоянно блуждала счастливая улыбка.

Утром, бреясь перед зеркалом у себя в квартире, и видя эту свою улыбку, он говорил: «Ну, до чего же я глупо выгляжу!» И старательно делал серьёзное лицо. Но оно, не подчиняясь, опять становилось счастливым-счастливым, глупым-глупым...!

Ах, какое это было неповторимое время!

Забывшись, Кирилл стал совать правую ногу в уже занятую штанину и, потеряв равновесие, свёрзился на пол, ударившись локтем и спиной. Зашипев от боли как змея, он стал подниматься, но запутавшаяся в штанине нога, не хотела помочь ему. Разозлившись, он, лёжа на спине, задрыгал в воздухе ногами, стараясь выдернуть запутавшуюся ногу и, громко, на чём свет стоит, ругаясь. Хорошо, что никто не видит меня в таком смешном положении, подумалось ему. Особенно, Нинка! – «Допился! – сказала бы она, уже штаны самостоятельно одеть не можешь. – До чего ты докатился, Кирилл! Посмотри на себя в зеркало! На кого ты стал похож! Мне стыдно за тебя!..»

Штаны, наконец-то, слезли и упали на пол бесформенной кучей, похожей на коровью лепёшку.

Кирилл поднялся вначале на четвереньки и, уподобившись шимпанзе, медленно выпрямился. Разбитая утром коленка саднила. Подсохшие было ранки, вновь начали кровоточить.

Медленно, покряхтывая, как семидесятилетний, или даже восьмидесятилетний старик, он пошёл в ванную приводить себя в порядок.

Всё болело: голова болела, и тело болело, как побитая тренировочная груша.

Только он не знал – болят груши после тренировок боксёров или нет? А ему так хотелось верить, что болят... Вместе, за компанию, болеть легче.

Глаза от дневного света резало, казалось, в них бросили горсть песка.

Приду на работу – выпрошу у кого-нибудь опохмелиться – мечтал он, совершенно позабыв своё обещание Нине – больше не пить.

В коридоре, обувая старенькие, потрескавшиеся, и давно не чищенные сандалеты, Кирилл, как наяву, увидел в своих руках стакан с возделенной жидкостью, и даже почувствовал её запах. Кадык сам собою задвигался и, Кирилл, непроизвольно сделал глоток. Ах, чёрт! Что же это я вытворяю! – спохватился он. Я же Нинке дал обещание больше не пить и, сокрушённо покачав головой, вышел, захлопнув за собой дверь квартиры.

Глава четвёртая

НИНА

Господи! Как я устала от этой беспросветной жизни, думала Нина, сдавленная со всех сторон пассажирами автобуса. Ну почему в моей судьбе всё так сложно? Почему? Только судьба поманит счастьем, и тут же – бац! Опять трудности жизни!

С первым браком пролетела – ну, это бывает со многими: неопытность, влюблённость, желание иметь рядом поддержку на все случаи жизни..., а в результате? В результате – слёзы и незаслуженные оскорбления.

Обведя взглядом пассажиров, она не увидела ни одного знакомого лица, зато у всех на лицах отражались свои заботы. Да и немудрено было не встретить знакомых. В их, ранее престижном жилом районе, не жили теперешние её сослуживцы. Аптека, в которой она уже несколько лет работала провизором, находилась у чёрта на куличках, практически на задворках. Добраться до неё было очень сложно – сущее мучение: на двух автобусах, с пересадкой у центрального рынка.

...Мысли медленно продвигались по давно уже наезженной колее: скоро нечего будет надеть на себя, думала она, последние платья донашиваю, а сколько раз я их перешивала, перелицовывала...?

Кирилл одет как бомж, продолжала катиться мысль. Последний свой, более-менее выглядывший костюм, он, паразит, кому то подарил. Сказал: «Человеку на свадьбу сына одеть нечего». А сам? А сам в чём ходить будет, скажите, пожалуйста? Хоть бы зарабатывал прилично. Получит на «своём» базаре копейки и в тот же день половину пропьёт... Эхх, дожился! Кем был, а кем стал? Грузчик с высшим техническим образованием...!

Господии, подскажи как жить дальше-то? За что, Господи, ты наказуешь нас? За какие грехи?

Горечь жизни жгла её израненное сердце. В последние годы она совсем стала падать духом. Нервы не выдерживали, и она стала всё чаще подумывать о...

Ах, Кирилл, Кирилл – плакала она в душе, почему же ты на поверку оказался таким слабым? Почему так быстро сломался..., или что тебя сломало? А казался таким сильным и надёжным. Что же с тобой случилось, Кирилл?

...Столько лет прожили в счастье, мире и согласии, вырастили и воспитали прекрасных детей... Я была полна тобой, Кирюша, полна твоей любовью и лаской. Я так тебя любила, Кирюша..., нет, я так тебя люблю, Кирюша, поправила она себя. Сейчас бы жить и наслаждаться жизнью..., а, ты? Ты за каких-то пять-шесть лет всё изломал, всё исковеркал, Кирюша...

Господи, опять взмолилась она, помоги моему Кирюше выбраться из этой, засосавшей его трясины! Дай ему, Господи, силы вновь стать человеком! Подскажи, Господи, где мы так согрешили, что так жестоко наказуешь нас?!

Слёзы, постепенно накапливаясь, были готовы прорвать плотину и побежать рекой. Хорошо, что сейчас будет моя остановка, мелькнула у неё мысль, а то бы я не выдержала, разревелась при всём «честном народе».

Войдя в дверь аптеки ровно в девять часов, она лицом к лицу столкнулась с хозяином.

– Вы опаздываете, Нина Владимировна! – попенял он ей, уступая дорогу и демонстративно смотря на кварцевые часы, висевшие на стене аптеки, у окна.

– Извините, Жомарт Естаевич, – проходя мимо него, покаялась Нина. Автобус по дороге сломался, – попыталась она объяснить причину опоздания. Вот я и...

– Мне не нужны Ваши оправдания! – взъярился он. – Мне нужно чтобы Вы в девять часов ноль-ноль минут находились на своём рабочем месте и занимались клиентами! Понятно?!

Посмотрите, какая очередь выстроилась, – и собрался было указующим жестом показать, как плохо она поступила, придя на работу с опозданием. Но вовремя остановился, поняв свой промах...

Э-э, постарайтесь в будущем вовремя приходите на работу, – сбавил он обороты...

Возле витрины стоял одинокий покупатель, и о чём-то мило беседовал с Люсей – молодой провизоршей, только в этом году окончившей медицинский колледж.

– Я постараюсь, Жомарт Естаевич! – пообещала Нина, и прошла за перегородку.

– Люсь! Чего это он такой взъерошенный? – прошептала она, украдкой посматривая на хозяина. Как-будто не в себе...! Или что случилось тут без меня?

– Налоговики приходили, – ответила Люська. Уйдёт Жомарт – расскажу.

Нина влезла в белый, похрустывающий от крахмала халат, и принялась за работу: проверила журнал продаж за истёкшие сутки; наличие остатка денег в кассе. Открыв сейф, проверила по ведомости наличие лекарств запрещённых к продаже без рецепта.

Всё было в полном ажуре, как говорит в таких случаях Люська – жизнерадостная, пышноволосяя блондинка с голубыми глазами и талией, как у «осы».

С Людмилой Новиковой, или просто – Люсей, они работали «на доверии». За те несколько месяцев их совместной работы они, не смотря на большую разницу в возрасте, подружились, и полностью доверяли друг другу.

Люська щебетала как воробышек, ни на минуту не умолкая. Делилась всеми своими девчачьими секретами и называла её Ниной, а не Ниной Владимировной. Она чем-то была похожа на их с Кириллом дочь – Светлану. Такая же неугомонная, чистосердечная и красивая..., только наша Светлана не такая болтушка...

«Как она там, моя Светочка? – захлопывая журнал, почему-то забеспокоилась она. В письме написала, что вышла замуж и постарается с мужем приехать в гости, но когда не указала. Надо будет перезвонить ей, хотя..., что узнаешь из сбивчивого разговора по межгороду? А так хочется увидеть её, да и с зятем, вновь приобретённым, познакомиться. Узнать, что за человек? Какой у него характер, как на жизнь смотрит, и вообще, какой он?»

– Нина! Я побежала, – прошептала Люська. – У меня сегодня свидание! Мы с Игорьком идём смотреть боевик...

И, не сбавляя «скорости», пронеслась стрелой мимо хозяина – однако, не забыв дурашливо пропеть: «Прощайте, дорогой Жомарт Естаевич!»

А ещё через мгновение за ней захлопнулась входная дверь. Только её и видели!

На лице хозяина аптеки отразились обуревавшие им эмоции – от удивления, до растерянности, затем, перешедшей в улыбку во весь рот. Но увидев, что Нина смотрит в его сторону, тут же перестроился в сплошную строгость и неприступность.

– Нина Владимировна, нам необходимо поговорить о текущих делах, – строго произнёс он, подойдя к ней. – Новикова, вероятно, сообщила вам, что у нас была неожиданная проверка сотрудниками налоговой инспекции?

– Да...

– Вообще—то, серьёзных нарушений в нашей отчётности они не нашли. Надеюсь, и дальше так будет. – Вы добросовестный работник, Нина Владимировна, и я вами доволен.... Собственно, какие могут быть нарушения у Вас, с вашим-то опытом работы в системе здравоохранения.

Насколько я помню, Вы работали заместителем начальника торгового отдела областного аптечного управления в нашем городе. Надеюсь, я не ошибаюсь, Нина Владимировна, не так ли?

– Даа...

«Что ему от меня надо? – тревожная мысль змеёй заползла в её голову. Какую гадость он мне припас, подслащивая пилюлю? От него слова доброго не дождёшься, а тут, надо же, распелся курским соловьём.... Не иначе, как решил уволить без выходного пособия...»

...И, вы, насколько я помню, награждены знаком – «Заслуженный работник здравоохранения?» – продолжил хозяин, и бережно взял её за руку...

– Простите, какое это имеет значение в настоящее время? – спросила она, и попыталась осторожно высвободить руку. – Ну, да! Но... с тех, приснопамятных времён, прошло никак не меньше семнадцати лет, и-и-и... я не понимаю...?

Она начала пугаться этого разговора, этого, как бы вежливого, но, как показалось её испуганно затрепетавшему сердцу, всё же допроса.

...Сейчас я вам всё объясню, и вы сразу всё поймёте, – улыбнулся хозяин. Вы в курсе, что мы с партнёром, давно приспособливаем в центре города, у площади, большую аптеку?

– Да. Я слышала об этом от вашей жены. Она, месяца два назад, говорила, что..., ноо... я всё-таки не понимаю..., причём тут я? Каким образом Ваше, Жомарт Естаевич, строительство касается меня, ведь я же не ваш партнёр?

– Касается, касается. Ох, ещё как касается, Нина Владимировна! Так вот! Строительство аптеки завершено. Максимум через месяц мы открываем её, и мы, то есть партнёр и я, предлагаем вам должность исполнительного директора..., с подчинением Вам остальных наших, не только городских, но и периферийных аптек. Об оплате за Ваш труд мы поговорим отдельно. – Сейчас мне необходимо ваше принципиальное согласие...

И после небольшой паузы, спросил: «Так как, Вы согласны принять наше предложение?» – и вопросительно заглянул ей в глаза.

Такого поворота в их многолетних отношениях, она не ожидала. Не ожидала, и всё! Этот сухарь, который вечно брюзжал, вечно был всем недоволен, которого боялись все, в том числе и она, предлагает ей стать чуть ли не партнёром в его бизнесе...

Честно говоря – в первую минуту она растерялась и не могла сообразить, что же ей ответить на столь лестное предложение.

Пауза затягивалась. Хозяин ждал конкретного, она это понимала, ответа на конкретно поставленный, правда, не совсем корректно, вопрос.

– Нина Владимировна, вы что, отказываетесь, или вы не поняли меня? – с каким-то растерянно-удивлённым выражением на лице воскликнул хозяин.

– Не-ет! – и Нина медленно покачала головой. – Я..., простите Жомарт Естаевич, очень... удивилась, иии... растерялась от неожиданности такого предложения... Яаа, согласна...

Она немного помолчала, затем, более уверенно ответила: «Да, Жомарт Естаевич, я согласна принять Ваше предложение! – Когда приступить?»

– Вот и чудненько! – сразу повеселел он и, продолжил, – поздравляю Вас, Нина Владимировна с новой должностью! – Надеюсь, у нас и в будущем будут такие же прекрасные отношения, – закончил он, и с энтузиазмом потряс её руку.

«Ага, с твоим-то характером» – взволнованная до глубины души упавшим на неё так неожиданно, и так вовремя, предложением, подумала она о своём шефе.

Глава пятая

НИКОЛАЙ

...В пять утра я спал, как сурок – подумал про себя Николай и непроизвольно пожал плечами, но вслух этого не произнёс. Нужно было что-то отвечать. Вопрос задан, и требует

ответа... В молчанку с «этими» не поиграешь, продолжала дальше продвигаться мысль – ишь, как смотрят! Ленин на буржуазию так не смотрел. И, всё же! Какого ответа они ждут? Знать бы, что произошло в это время. Как говорится – «Знал бы, где упадёшь, так соломки бы подстелил».

Но он не знал. Не знал, и всё тут!

...Всё-таки, что же произошло утром..., в пять утра или около этого..., что? Насколько я понял, вопрос касается лично меня, а не кого-то другого.... Надо отвечать, пауза слишком затянулась. А то подумают, чёрт знает что.... Но, что же всё-таки произошло? – продолжала метаться в мозгу пугливая мысль.

Николай был чист и безгрешен перед Законом, насколько это возможно в наше, такое непростое и нестабильное время. Был чист и безгрешен, как агнец божий перед закланием. Но, как все, или почти как все люди на земле, в первое мгновение встречи с блюстителями Закона он растерялся. Скорее всего, даже не растерялся, а испугался! Да! Просто, по-человечески, позорно испугался!

– В пять утра... я находился дома, в своей комнате..., в своей постели..., спал..., – ответил он, волнуясь, на заданный ему нескромный, по его разумению, вопрос.

– В котором часу вы вышли из дома? – Куда пошли? – не давая ему опомниться, поинтересовался старший лейтенант, – или, куда поехали? На чём?

– Вышел я (Николай посмотрел на свои наручные часы) приблизительно в девять тридцать, девять сорок пять, – он слегка покраснел, вспомнив, чем занимался до этих девяти сорока пяти, – затем..., затем..., сел в машину и...

– У вас что, машина во дворе стояла, а не в гараже? – мгновенно последовал вопрос «борца». Вы всегда оставляете машину во дворе? Почему?

– Я часто оставляю машину возле дома. Сейчас не зима. Мне так удобнее, – пояснил слишком любопытным полицейским Николай. Не зима ведь, – повторил он.

– Автомобиль, какой марки..., модели у вас? – быстро спросил старший лейтенант. – Какого цвета? У входа в административное здание его нет? Где он стоит? – добавил он, и пристальным, изучающим взглядом, заглянул Николаю в глаза.

Ишь, как буравят глазами, с неприязнью подумал Николай, и быстро ответил: «Он в автобусном боксе. Я сразу проехал туда..., – и, через мгновение, добавил, – у меня „Фольксваген Гольф“, тысяча девятьсот девяносто восьмого года, красного цвета».

– С цветом машины и её маркой всё ясно... – Сейчас ещё немного поговорим, уточним некоторые детали, а затем сходим в гаражный бокс, посмотрим вашу машину..., – добавил старлей.

– Вы не обратили внимания, когда сели в машину – она стояла на том же месте, где Вы её оставляли? – теперь уже капитан заглянул в глаза Николаю, и быстро задал новый вопрос, – Вы помните, где поставили машину? – Кстати! Когда Вы её поставили?

Вопросы так и сыпались со скоростью пулемётной очереди. Николай не успевал ответить на один вопрос, как тут же раздавался следующий.

Что же случилось? – неотступно вертелась у него в голове мысль. – Что случилось?!

И это постоянное верчение мысли мешало ему сосредоточиться на вопросах и своих ответах.

– Вы всё-таки объясните, почему такой повышенный интерес к моей персоне и моей машине? – успел он в короткую паузу между перекрёстными вопросами полицейских вставить свой животрепещущий вопрос, господин...

– Ерлан Абзалович. Вы можете называть меня – Ерлан Абзалович, – милостиво разрешил капитан.

– Так поясните мне, Ерлан Абзалович, откуда у полиции такой повышенный интерес ко мне и моему автомобилю?

– Я отвечу на ваш вопрос, когда мы осмотрим «Вашу» машину. – Так вы говорите, – ушёл от ответа полицейский чин, – что поставили свой Фольксваген...

Николая начала раздражать эта нарочитая, или, настоящая, бесцеремонность полицейских. Что я им, мальчик, в самом-то деле? И, немного повысив тон, он повторил:

– Я же вам говорил – он в автобусном боксе. Может Вам ещё раз, как непонятливым, повторить для ясности и показать дорогу?

– Вы, Патин, не зарывайтесь! Показывайте дорогу, – лаконично произнёс капитан, и поднялся из-за стола.

Проходя мимо сидевшей за печатной машинкой секретарши, Николай сказал ей, что, если его будут спрашивать по телефону – он в боксе.

И, в сопровождении двух полицейских в штатском, направился к выходу...

Покидая приёмную, он приостановился и, смотря на ожидавших приёма сотрудников, произнёс: «Да! Прощу извинить! Минут через пятнадцать, максимум двадцать, я освобожусь и приму всех».

Желающие попасть к нему на приём посетители удивлённо переглянулись между собой и недовольно заворчали: «Столько времени потеряно и, опять ждать».

У каждого, здесь присутствующего, были свои срочные дела и заботы.

Зина начала их успокаивать, и даже предложила по стакану чая.

* * *

Осматривающие автомобиль полицейские были серьёзны и, по поводу или без повода, так казалось Николаю, задавали вопросы и требовали на них обстоятельного ответа. Каждая замеченная царапина на машине привлекала их внимание. Особенно их заинтересовала небольшая вмятина на облицовке радиатора и правом крыле.

Удивлённо заморгал глазами и Николай. Этих вмятин раньше не было. Во всяком случае, он совершенно не помнил, чтобы они были вчера или позавчера.

Да, нет, чушь какая-то – всё ещё пытался вспомнить он. Их же вчера... точно не было! Я же вчера фары протирал, заволновался он.

И тут же последовал вопрос от бдительных полицейских: «А это откуда?» – показал пальцем старший лейтенант на небольшие вмятины на крыле и облицовке...

– Ей Богу, не знаю, – Николай растерянно развёл руки, – по-моему...

– Где и, когда, вы помяли облицовку радиатора и крыло? Видите, вмятина свежая.

– Я..., я понятия не имею! – выдавил из себя Николай. Во всяком случае..., вчера вечером вмятин вроде бы не было...

Николай опять лихорадочно стал вспоминать свои поездки за вчерашний день, затем, отрицательно-удивлённо покачал головой – нет, не было.

– Послушайте! Может кто-то из моих водителей сегодня задел. Я разберусь.

Но он знал! Он точно знал, его водители этого сделать не могли. Он их хорошо знал, своих водителей – опытных, дисциплинированных. Лучших, из лучших! Он выбирал их вместе с начальником отдела по безопасности дорожного движения и начальником отдела кадров. Выбирал по крупицам из всех проходящих водителей к ним устраиваться. Значит!

Что это значит – он уже предвидел! Ничего хорошего для него лично и для Светланы – для них обоих! Капитан и старший лейтенант были угрозой их благополучию, их счастливой жизни: всему тому, что они со Светланой так бережно лелеяли – их любви!

– Я вынужден Вас задержать до выяснения обстоятельств!

Капитан говорил отрывисто, тихо и зло. Широкие скулы его покраснели, а глаза, то упрямо вонзались в Патина, то сползали вниз, как у школьника со шпаргалкой в руке на экзамене, застуканного неожиданно подошедшим учителем.

– Понятно..., – согласно кивнул Николай. А если я всё-таки ни в чём не виноват?

А в душе с горечью подумал: «Как быстро меняется отношение к человеку со стороны полицейских. Ещё неизвестно, виновен человек или нет, а на нём уже поставили клеймо преступника... Так не должно быть! Это неправильно! В конце-концов, это же совершенно несправедливо! – кричало всё у него внутри.

– Вы проедете с нами в отделение полиции. Там, без помех, мы поговорим. Да, автомобиль мы тоже забираем на экспертизу, – продолжил жёстко капитан.

– Вы, что, наденете на меня наручники? – уже окончательно разозлившись и, в то же время страшно испугавшись, поинтересовался Патин. И... в чём Вы меня обвиняете? Что такого страшного, противоречащего Закону, я мог натворить, находясь у себя дома, и... лёжа в собственной постели?

– Я почти твёрдо уверен, – капитан перевёл взгляд на «Фольксваген», затем, опять вернул на Николая и, смотря ему в переносицу, продолжил, – что этот автомобиль сегодня утром совершил наезд на человека..., со смертельным исходом.

У Николая всё оборвалось внутри и поплыло перед глазами. Такого и в страшном сне не придумаешь, охнул он. Бедная Светланка! – Какой удар!

Глава шестая

СВЕТЛАНА

Светлана, напевая незамысловатый мотивчик из какого то, почти забытого телевизионного фильма, выбирала во что одеться, в чём пойти на работу. Настроение было прекрасное, а вспомнив её с Николаем утреннюю «джигитовку» в постели, она даже немножечко зарделась от смущения. Хотя смущаться было не перед кем. Дома она была одна-одинёшенька. Настроение прекрасное.

Ярко светило, по-осеннему прохладное солнце и, проникая через тщательно вымытые окна, отражалось от натёртого паркета. Воробьи, всё утро возившиеся и чирикавшие во дворе, куда-то улетели по своим, только им известным, птичьим делам.

Выглянув в окно, Светлана увидела знакомую, так нравившуюся ей картину – за окном их дома, метрах в четырёхстах, возвышались купола православной церкви, и её маковки с позолоченными крестами блестели на солнце. Ей нравилось, когда в церковные праздники оттуда раздавался мелодичный перезвон колоколов, и от этого перезвона на душе её становилось тепло, радостно и светло, как после умывания в горном ручье.

За окном чуть слышно шумел город. Город, в котором она провела шесть с половиной незабываемых лет. Пять с половиной лет студенчества, и чуть больше года практики в городской больнице.

Она, Светлана Патина, в девичестве – Соколова, любила этот не очень большой, но насыщенный студентами, город. Город – стоящий на обоих берегах реки Иртыш. Город – где она встретила свою первую, всеобъемлющую, и такую сладкую, любовь!

Светлана, стоя нагишом, потянулась до хруста в косточках, до сладкой боли в мышцах, и громко засмеялась от счастья и полноты любви.

Взглянув на часы, она, прихватив трусики и халат, валявшиеся в кресле, босиком шмыгнула в ванную.

Она очень любила понежиться в горячей воде с пеной до подбородка, и ещё, чтобы воздух в ванной комнате и вода пахли хвоей. Тогда, погрузившись в воду и закрыв глаза, она представляла, что находится в лесу, а вокруг только ёлки и сосны. Воздух напоен хвойным ароматом. Она идёт по тропинке усыпанной хвоей, и земля мягко пружинит под ногами...

Между ветвями пробиваются тонкие лучики солнца, чередуясь на стволах деревьев и земле, светлыми и тёмными пятнами. И вокруг неё только это великолепиие, и первозданная, никем и ничем не нарушаемая, божественная тишина...

Набрав воды в ванную и плеснув хвойного экстракта, Светлана забралась в горячую, пахнущую хвоей, зелёного цвета воду, и блаженно вздохнула. Затем, взбив пену, полежала, расслабившись, несколько минут. Она даже, кажется, задремала, и в этой полудрёме, как в замедленном кино, стала прокручиваться вся её, ещё такая короткая, но такая безоблачная прошлая жизнь.

Родилась она в Усть-Каменогорске, тоже стоящем на Иртыше. В городе с развитой промышленностью, с днём и ночью извергающими дым, трубами. В городе, хоть и небольшом, но каком-то домашнем и уютном, где с утра и до поздней ночи, весело перезваниваются трамваи и, где много построенных в старое время зданий.

Когда она родилась, её отец – Соколов Кирилл Владимирович работал заместителем генерального директора в крупном объединении, а мать – Нина Владимировна, в областном аптечном управлении. Через три года родители подарили ей брата – Борю.

Семья жила дружно, помогая друг другу не только советом, но и делом.

В их семье процветали любовь родителей к детям, и детей к родителям. Не в каждой семье встречаются такие тёплые отношения и взаимоподдержка. И она, и её брат Борис, и отец с матерью – вся семья дорожила любовью и дружбой, и всячески старались сохранить их.

Светлана, или, как звали её в семье – Светлячок, росла жизнерадостным и в меру шаловливым ребёнком. Сколько себя она помнит, её ни разу не наказали родители. Считалось – она достаточно благоразумна, чтобы не надеть глупостей. И она старалась! Старалась оправдать доверие родителей.

Пришло время начать учиться в школе. И вот – она первоклассница!

Она помнит этот, свой первый день в школе номер двадцать девять. Их рассадили парами – мальчишки с девчонками и, на первом же уроке они с соседом разодрались. Разодрались из-за сушей безделицы. Он взял у неё без разрешения карандаш.

Как же его звали...? То ли Саша, то ли Серёжа..., а возможно и Женя? Нет! Не вспоминается его имя. Но что они подрались – это она помнит хорошо.

Их рассадили. Её отправили на последнюю парту (на камчатку), а его оставили на прежнем месте.

От такой несправедливости она долго плакала от обиды. Вины за собой Светлана не чувствовала. Она привыкла к тому, что дома всегда во всём разбирались и, прежде чем наказывать, если было за что, старались максимально-доступными словами всё объяснить, а тут...

* * *

Шли годы. Светлана выросла. Хорошела не по дням, а по часам, превращаясь из гадкого утёнка в прекрасного лебедя – с волосами цвета зрелой пшеницы, и зелёными, огромными глазами. За ней уже бегали два мальчика. Папа подшучивал: «Посмотри Нина, говорил он с улыбкой маме, Светланка-то наша, двумя женихами обзавелась».

Она краснела, надувала губы. и обижено шмыгала носом. А Борька – тот, вообще дразнил, когда видел её в сопровождении «почётного» эскорта: напевал фальшивым ломающимся голосом – «Тили-тили тесто, это два жениха и невеста». Она гонялась за ним, чтобы надрать ему уши, но он, хитрец, сразу залезал на дерево. Куда ей, девчонке, было за ним, сорванцом, угнаться, тем более, залезть на дерево.

Закончила она школу не отличницей, а хорошисткой: в аттестате зрелости пятёрки перемежались с четвёрками. Родители не «шпыняли» её за это. Папа даже как-то высказал крамольную мысль – «Теория нужна, но практика важнее!» А вот родители Таськи, её соклассницы и близкой подруги, заели ту до того, что она готова была утопиться в Иртыше.

Конечно, то, что Светлана не отличница, несколько затрудняло поступление в ВУЗ, тем более медицинский, но по здравом размышлении, она ведь могла за лето поднаверстать упущенное – чем она и занялась.

Ежедневно, с раннего утра и до позднего вечера, она сидела и штудировала учебники, особенно химию. Она совершенно забыла, что есть телевизор и есть друзья. Она твердо решила стать врачом – хорошим врачом. Быть врачом – голубая мечта её детства!

Светлана не бросилась очертя голову поступать в столичный ВУЗ, а решила стать студенткой, хорошо зарекомендовавшего себя, Семипалатинского медицинского института. Втайне она надеялась, что конкурентов в студенты будет поменьше и, главное, она будет недалеко от родителей, по которым будет очень-очень скучать.

Светлана про себя знала, что она всё-таки «домашняя кошечка», и отсутствие рядом родителей и брата, усложнит её жизнь.

Ей, наверное, повезло, а возможно дали себя знать ежедневные занятия с учебниками. Она смогла поступить в ВУЗ с первого захода, набрав необходимое количество проходных баллов и, даже химию, за которую очень боялась, сумела сдать на «хорошо».

Окрылённая успехом, она позвонила домой. чтобы порадовать переживавших за неё родителей и, в конце разговора по межгороду, не сдержав эмоций, закричала в трубку: «Ураа! Ураа! Я студентка!»

* * *

Пролетели годы учёбы с их студенческими буднями, сессиями, курсовыми. Отошли в прошлое студенческие строительные отряды с поездками на уборку урожая, – то зерна, то хлопка. И за всё время учёбы Светлана, в отличие от своих сокурсниц, почему-то ни в кого не влюбилась.

Её приглашали на свидания мальчики со своего курса и более старшие, но, после двух-трёх встреч она понимала – это не тот, кто может составить ей «пару» на всю жизнь. Они, все, не были похожи на её отца – умного, весёлого и, очень-очень доброго.

Наверное, это было ошибкой с её стороны – сравнивать претендентов в мужа с отцом, но она ничего не могла с собой поделать. Отец для неё был, и оставался, идеалом настоящего мужчины! Таким, каким должен быть мужчина – глава семьи и её защитник!

При распределении Светлану не направили в село или аул, как молодого специалиста, а оставили в городе. Ещё будучи студенткой, она уже подавала надежды стать хорошим врачом.

Ей предлагали остаться на кафедре и продолжить учёбу в аспирантуре, но она отказалась. Отказалась, чтобы воплотить в жизнь ещё школьную мечту, лечить людей, а аспирантура придёт в своё время, в свой срок, так решила она.

Родители, когда она поделилась с ними своими планами на будущее, подумали, и, уважая её решение, согласились.

На кафедре учли её желание, и направили в терапевтическое отделение городской больницы.

* * *

За прошедшие половину года после окончания института, Светлана многому научилась. В душе она, конечно, понимала, что до звания настоящего врача ей, как до «Африки пешком», шутила она втихомолку, когда оставалась одна, но терпения и настойчивости ей было не занимать. Она проводила в терапевтическом отделении не только свои рабочие часы, но и часть свободного от дежурств, времени.

Так, капля за каплей, она набиралась опыта, а к опыту, так уж в жизни заведено, добавлялось уважение окружающих её сослуживцев и больных. Если на первых месяцах практики её называли просто – Светочкой, то к концу года стали уважительно обращаться – Светлана Кирилловна.

Это, конечно, льстило самолюбию Светланы, но... в то же время заставляло как-бы сдерживать свои девчоночьи эмоции: «В мои-то годы! Не дай бог, превратиться в „классную даму“» – говорила она себе, посмеиваясь.

В конце концов, могла она чуть-чуть..., ну... самую-самую малость пококетничать, когда никого не было рядом, а в доме её хозяйки квартиры, стояла первозданная густая тишина.

У Светланы был ровный, не вспыльчивый характер – как у мамы, и твёрдая воля – как у отца. Целеустремлённости ей тоже было не занимать.

Всё это о себе она знала прекрасно, и умела, в нужную минуту, в соответствующей ситуации, применить. Нет, она не была законченным, расчётливым прагматиком, просто она знала, чего хочет добиться в жизни, и упорным, заложенным с детских лет воспитанием, кропотливым трудом добивалась желаемого.

Света встретила последние минуты второго тысячелетия, находясь на дежурстве (ей «повезло!»). Из палат раздавался тихий шорох, словно стая тараканов (шур-шур-шур) бегала наперегонки и, чьё-то бормотание. Она прекрасно понимала, больные не спят, а «втихую», готовятся к встрече Нового года в новом тысячелетии. Они находились здесь, в больничных палатах, оторванные от своих семей, а родные и близкие дома, возле украшенных ёлок и заставленных разной снедью столов – детишки, постарше, с нетерпением ждали, когда можно будет забрать подарки, а взрослые – боя курантов и салата «оливье».

Так уж заведено у нашего народа, и не мне этот порядок менять, думала Светлана, заполняя очередную карточку «своего» больного.

Буквально за пять минут до Нового года, медсёстры позвали её к нехитрому угощению в честь праздника. Выпив по бокалу шампанского, закусив «чем Бог послал», даже спели потихоньку пару песен из домашнего, праздничного репертуара, а закончили новогодней песенкой: «В лесу родилась ёлочка, В лесу она росла...»

Суточное дежурство прошло относительно спокойно. Больные, немного пошумев в полночь, часа в два, наконец-то утомонились, и ей удалось часа полтора подремать в ординаторской на диване.

От пришедшего ей на смену Виктора Тимофеевича чуть-чуть пахло алкоголем и дорогим парфюмом. Ему было лет тридцать пять-тридцать семь и, небольшой пивной животик украшал его талию. Света, в начале ординатуры, не могла понять, как это – «пивной живот». Потом, месяца через два, когда неожиданно зашёл разговор на эту тему среди персонала отделения, старшая медсестра, Ирина Михайловна, популярно ей объяснила – Виктор Тимофеевич любитель пива. Он может за один присест выпить литров пять, вот живот бочонком и выпирает, посмеялась она.

Насколько Света знала (сарафанная почта, это вам не детская игрушка и не интернет – работает безотказно), он развёлся со своей женой года три тому назад. У него двое (тринадцати и пятнадцати лет) ребятишек, и он в них души не чаёт, но вот беда – Виктор Тимофеевич был великим любителем женского пола, попросту говоря – «бабник», каких свет не видывал! Это его и сгубило. Его бывшая жена терпела-терпела его «гульки» (она так называла его похождения) и, в конце-концов, выперла из квартиры, выставив чемодан на лестничную площадку.

Он был хорошим специалистом – опытным, смелым в принятии решений, и его, вначале, прочили в заведующие, но беспорядочная половая жизнь и частые приходы на дежурство с, мягко говоря, лёгкого угара, всё разрушила, и заставила главврача больницы повременить с назначением. Место заведующего терапевтическим отделением было вакантным...

Как могли уживаться в одном человеке – опыт, ум, большое знание жизни, и... лёгкость поведения, Светлана, в силу своей жизненной неопытности, своей девичьей невинности, не могла уразуметь.

В самые первые дни прихода её в отделение, он старательно за ней ухаживал. Делал он это умело – пытался дарить букеты цветов, приглашал на свидания, угощал шоколадом, развлекал анекдотами, в общем – разносторонне и настойчиво её обхаживал.

Светлане было приятно, что за ней ухаживает такой интересный, умный мужчина. Ей было легко с ним. И, однажды, она чуть не согласилась пойти с ним в ресторан. Но Ирина Михайловна, взявшая её под свою опеку, видя, что девочка может пропасть не за грош, всё ей про него выложила. Да и сама Светлана была не настолько глупой, чтобы не замечать кое-какие несуразности в его поведении.

Мягко отказавшись от приглашения в ресторан, она посоветовала ему оставить её в покое, объяснив – она де, ещё не готова к серьёзным отношениям с мужчинами, и не хочет портить ему жизнь. Он, дескать, ещё найдёт себе достойную девушку. На том и закончился их «служебный», не очень длительный по времени, роман.

По его, в дальнейшем, отношению к ней не чувствовалось, что она нанесла ему слишком уж большую сердечную рану.

Она-то, по наивности, думала, что он начнёт её преследовать, устраивать скандалы и каверзы на работе. Ничуть! Он всё также был вежлив с ней, любезен, и частенько помогал советом в сложных врачебных диагнозах.

У него было чему поучиться. И она училась. Училась добросовестно и упорно.

* * *

Сдав дежурство, Светлана оделась и, выйдя на крыльцо приёмного покоя, залюбовалась представшим перед ней видом: солнце ярко светило; небо, без единого облачка – ярко синего цвета. А вокруг белым-бело! Ночью выпал небольшой снежок и выбелил всё вокруг, накрыв дорожки, газоны и больничные скамейки белым покрывалом.

На стройных тополях, важно выстроившихся вдоль дорожек больничного парка, белыми облачками, как- будто зацепившимися за ветви, лежал снег, а вокруг тихо-тихо, и только где-то высоко-высоко в ветвях замёрзшего тополя, цвикала какая-то пичужка.

Она вдохнула свежий морозный воздух..., и чуть не закричала от счастья, молодости и здоровья. Проходи в это мгновение какой-нибудь пешеход, посмотри на её чуть зардевшееся от мороза, счастливое, молодое лицо, конечно же, залюбовался бы ею. Она была похожа на снегурочку из детских сказок – тоненькая, стройная, одетая в белую шубку и такую же белую, меховую шапочку.

Вся, без остатка, отдавшись наслаждению жизнью, она не заметила сидевшего чуть в стороне, на скамье, мужчину, внимательно и с удовольствием наблюдавшего за ней. Лишь только когда он поднялся, она обратила на него внимание, и мгновенно отчего-то страшно, до слёз, смутилась.

– Простите! Девушка, вы, случайно, не в терапевтическом отделении работаете? – вежливо обратился он к ней, приближаясь всё ближе и ближе. Вы не могли бы мне подсказать, где я могу найти Светлану Кирилловну... Соколову? – продолжил он, явно любуясь ею. Моего заместителя в это отделение..., терапевтическое, поправился он, положили... со страшным гриппом...

– Как фамилия больного, то есть, простите, вашего заместителя?

– Костин... Иван... Иван Иванович Костин! – повторил он, и почему-то густо покраснел. Она удивлённо, и в то же время заинтересованно, посмотрела на подошедшего к ней мужчину, и ещё она подумала – все люди сейчас отдыхают после встречи Нового года, а этот... Странно. Совершенно трезвый. У него, что – ни кола, ни двора, ни семьи, ни друзей, и даже товарищей?

– Да, есть такой, Костин. Он лежит во втором этаже, в седьмой палате.

Светлана неожиданно почувствовала, как какая-то тёплая волна начала покачивать её, а в груди появилась истома. Этот мужчина странно воздействовал на неё. Он не был писанным

красавцем – не выше среднего роста, темноволосый, с голубыми чистыми глазами и не совсем правильными чертами лица, но что-то привлекало в нём – то ли мягкая улыбка, то ли... Может быть голос? Она коротко, для профессиональной практики, заглянула в его глаза и... утонула, а утонув, поняла – всё!

Она влюбилась в этого мужчину! Совершенно незнакомого ей, но такого... Такого...! Влюбилась с первого взгляда, и... навсегда. Женат он или холост, ей не было до этого дела. Она чувствовала, нет, она знала, теперь это её мужчина, а она... – она его женщина!

Что это он так смотрит на меня? – испуганно подумала она, и лёгкая краска смущения покрыла её лицо. По-че-му он так смотрит на меня?!

Мысли, как вспугнутые воробышки, проносились в её головке. Она растерялась от неожиданно нахлынувших чувств, от той, сладостной истомы, поселившейся в её груди, что затрудняла дыхание...

Она слышала от подруг в институте, что такое иногда случается в жизни, но не верила, считала это досужим вымыслом, девчачьим хвастовством. И вот – это случилось с ней!

Мамочка моя, помоги мне! Спаси! Я не знаю, что мне делать с этим чувством, как с ним справиться, чтобы он не заметил. О, Боже!

Светлана готова была упасть в его объятия, чтобы он прижал её к себе, поцеловал. Её губы вспухли от желания поцелуя, груди налились, а соски стали твёрдыми и, казалось, бессовестно стали выпирать из бюстгалтера. Она почувствовала, как её тело покрылось испариной и ей стало даже жарко...

Господи! Что же это со мной творится?! – спрашивала она себя, и сама тут же отвечала: «Я влюбилась сразу и бесповоротно!!! И, я люблю этого незнакомого мне мужчину, даже не зная, как его зовут! Я лю-бб-любю!!!» – хотелось ей закричать во весь голос, чтобы все вокруг об этом узнали.

Но вокруг никого не было – только он и она! Только этот, незнакомый ей мужчина, неизвестно откуда появившийся в её жизни, и она – Светлана Соколова! Господи! Какое счастье – любить! Ах, если бы еще и быть любимой!!!

Глава седьмая

НИКОЛАЙ

Они вышли из бокса – впереди капитан, за ним Николай со старшим лейтенантом. Несколько водителей, стоявших у ворот и о чём-то беседующих, равнодушно посмотрели в след вышедшим. Для них это была привычная картина, когда с хозяином кто-то ходит по территории автопарка и выбирает автобус для заказа. Их парк не только обслуживал городские маршруты, но и часто поступающие, индивидуальные заказы. И никто из них даже не заподозрил в поведении этих троих «неладное». Они полностью доверяли своему хозяину, уважали его и, в случае какой-либо просьбы с его стороны, отвечали – «Надо? Сделаем!»

Сидя на твёрдом стареньком стуле перед капитаном, сидевшим за столом, Николай вновь отвечал на вопросы.

Кабинет, в котором они находились, ничего интересного собой не представлял: небольшая комната; окно, выходящее во двор; два стареньких стола; три, или четыре, тоже старых, расшатанных стула и покосившийся шкаф для бумаг, приткнувшийся в углу.

Николай, никогда в своей жизни не бывавший в кабинетах следственного управления, был несколько удивлён более чем скромной обстановкой. Работники ГИБДД (он иногда бывал у них) имели в своём распоряжении куда более комфортабельные кабинеты, а этот...

Как предупредил его капитан – это ещё не допрос, а предварительная беседа с целью уточнения некоторых деталей. Поэтому, «если господин Патин не захочет отвечать на какой-нибудь вопрос – это его право».

Николай вновь повторил то, о чём рассказывал ранее и, с возрастающим волнением поинтересовался: «Вы меня, что, сразу арестуете? А как быть с моей машиной, Она, что, так и останется в боксе... , или вы её доставите сюда, в УВД?»

– Ваш автомобиль уже здесь. Его осматривают наши криминалисты. А с вами мы поступим так: сейчас мы запишем всё, о чём говорили...

– Ерлан, у тебя сигаретка найдётся? – раздался из открывшейся двери чей-то голос, – а то у меня закончились.

В комнату вошёл полицейский чин в звании майора и, подойдя ближе, в упор, с интересом посмотрел Патину в лицо.

– Ты за этим муд... м, что ли ездил?

По-видимому, капитану не очень понравилось поведение майора и он, чтобы поскорее выпроводить его, тут же подал пачку сигарет, произнеся при этом: «Игорь, ты мне мешаешь».

– Ну, ну! – взяв сигарету, проговорил невоспитанный майор и вышел.

– Так... на чём мы остановились? – спросил Николая капитан.

– На записях, подписях, на моём автомобиле и... , сигарете для майора.

– Ага..., значит, уловили суть нашего разговора! Сейчас я заполню протокол допроса, вы – подпишете, а дальше..., дальше подумаем. Может, вместе подумаем, как с вами поступит? – словно не поняв ерничества Николая, поинтересовался капитан.

Николай, прочитав заполненный бланк протокола, достал из кармана авторучку, расписался, и вопросительно посмотрел на капитана.

– Курите! – следователь пододвинул ему открытую пачку сигарет «Казахстан».

– Спасибо, не курю. Да и сами поймите, до сигарет ли мне сейчас.

– Похвально... Похвально... А я, вот, поверите ли, никак не могу отказаться от этой чёртовой, пагубной привычки, хотя всеми силами стараюсь...

В кабинете повисла тяжёлая, прямо осязаемая пауза.

Капитан курил сигарету, задумчиво посматривая на Николая. Вероятно, в его голове крутилось – арестовать? Не арестовать?

У Николая тоже мысли бежали скорым поездом: как там в автопарке? Что сказать Светлане? Арестуют его, или не арестуют? Кто же наехал на человека, воспользовавшись моей машиной? Чтобы я ещё когда-нибудь оставил на ночь машину вне гаража...!

В кабинет, прервав затянувшуюся паузу, вошёл молодой полицейский и, подав следователю какой-то бланк, тихо, на ухо, прошептал:

– Всё точно, Ерлан. Заключение экспертизы подтверждает. Этот Фольксваген сбил сержанта ГИБДД.

У Николая, внимательно прислушивавшегося к шёпоту полицейского, от этих слов чуть не остановилось сердце. Он, сильно побледнев, вскочил со стула и, перегнувшись через стол, закричал в ненавистное с первой минуты их встречи, лицо следователя:

– Не делал я этого!!! Я никуда ночью не выезжал, я же объяснил! Я был дома!

– Сядьте! – жестко приказал капитан. – Вы, гражданин Патин Николай Александрович, задерживаетесь до выяснения обстоятельств наезда на сержанта ГИБДД, неоказание помощи пострадавшему при дорожно-транспортном происшествии, и скрытие с места дорожного происшествия. Всё! – сухо добавил он. На этом наш сегодняшний разговор окончен.

И, повернув голову в сторону полицейского, принёсшего заключение экспертизы, попросил: «Вызови врача и охрану».

Николай, как выпустивший воздух шар, безвольно опустился на стул. В голове образовалась какая-то пустота, а потом появился шум. Этот шум всё увеличивался и увеличивался, превращаясь в грохот идущего на всех парах грузового поезда, а в сердце запульсировала боль. Стало трудно дышать...

«Только инфаркта мне не хватало!» – где-то глубоко, наверное, в подсознании, промелькнула неприятная мысль. Потом боль утихла, поезд медленно остановился, и только в ушах продолжало потихоньку шуметь...

...Патин! Патин...! Что с вами? – откуда-то издали, как сквозь вату, услышал он встревоженный голос следователя.

– Ничего, – приходя в себя, тихо ответил он, и задумался, вновь переживая случившееся с ним.

Опять открылась дверь и в кабинет вошли двое: женщина – по-видимому, врач, потому что была в белоснежном халате и с каким-то прибором в руках, и молодой сержант, вероятно охранник.

Охранник остался стоять у дверей, а врач попросила Николая подуть в трубку прибора.

Поклодовав кнопками и рычажками, она внимательно посмотрела ему в лицо и, повернувшись к капитану, произнесла: «Есть алкоголь ..., правда, в небольшом количестве». И, Николаю: «Дайте ваш палец. Я должна взять кровь на анализ».

Закончив возиться, она, собрав какие-то провода и тонкую трубку прибора, не попрощавшись, вышла из кабинета.

Николай в полной растерянности, и с продолжающимся шумом в ушах, услышал, как капитан приказал охраннику увести его, а затем последовал не очень громкий, или так показалось ему, приказ охранника: «Встать! Руки за спину!»

– Вы же знаете, я не совершал наезда! – в последней надежде, что его поймут и поверят, поднимаясь, проговорил он. Вы делаете огромную ошибку! Вы делаете ошибку, ещё раз прошептал он осипшим от волнения голосом.

Глава восьмая

КИРИЛЛ

Появился он на территории рынка почти вовремя. Ну, опоздал, даже не опоздал, а чуть-чуть задержался. Подумаешь, велика беда, не умерли же без него все торговцы, подумал он. А отъезжая морда его хозяина вон, за прилавком торчит... Ишь, косит глазом! И земляной..., тьфу, ты! – земной, поправил он себя, шарик не перестал вращаться в моё персональное..., преперсональнейшее отсутствие.

«Крутится, вертится шар голубой,

Крутится, вертится над головой...»

Вспомнились ему слова давнишней песни. А как там дальше-то? Ей Богу не помню... Хотя... там же..., кажется, повторяются слова.... Ааа, вроде бы так:

«Крутится, вертится, хочет упасть,

Кавалер барышню хочет украсть...»

Дальше у него застопорилось. Ну, никак не хотело вспоминаться, и всё! Ну, никак, хоть убей! А ведь раньше...! Раньше он помнил слова этой песни. Они с Ниной частенько её напевали сидя на берегу Иртыша, или потихоньку плывя на катере по течению реки, всё дальше и дальше от города. Эх! Какое это было время...

– Эй, друг, ты что, уснул? – прервав воспоминания, раздался хриплый голос его напарника. – Давай, тащи ящик с помидорами. Гля, Васька-буржуй зырит на тебя во все свои лупоглазки – того и гляди накостыляет по шее.

Кирилл с трудом поднялся с пустого ящика, на котором сидел, и поплёлся в подсобку за помидорами. После вчерашнего застолья у Лёньки было невоготу шевелиться. Даже утренний душ дома не снял до конца похмелье. Хотелось лечь и не шевелиться, так он был разбит.

Кое-как дотасив хлипкий ящик до прилавка, Кирилл совсем выдохся. «Даа... старею я что ли?» – отрешённо подумал он, и поплёлся, еле переставляя вдруг ослабевшие почему-то ноги назад, в подсобку.

– Эй! Кирилл! – опять привязался к нему напарник, – ты чего такой смурной? С бодуна вчерашнего, или дома жена, что ли на тебя наехала? Так мы же, вчера, одинаково пили, и похвастался – смотри, я как тот огурчик! – Ты подожди, подожди, – в его голосе слышалось явное волнение, – я сейчас, я картошку отнесу вон той старой гримзе и дам тебе опохмелиться. У меня немного осталось в заначке... Я не жадный для друга.

Кирилл прилёг на мешки с картошкой. Сердце билось барабанной дробью, а слабость навалилась такая, что пошевелить рукой было не в состоянии.

Даа... укатили сивку крутые горки, как-то замедленно подумал он. Это ж, сколько мне годков? Так..., давай посчитаем, пересиливая слабость стал он дальше рассуждать – если я родился в тысяча девятьсот сорок третьем, а сейчас две тысячи первый, то, дай бог правильно сосчитать и не ошибиться...

Он начал считать в уме, но что-то с этим делом, то есть с этой чёртовой арифметикой, у него не заладилось.

Даа, что-то у меня голова совсем перестала варить..., и вообще... – с горечью сделал он заключение по поводу своих умственных и физических способностей: скоро от этой ежедневной пьянки два плюс два не смогу сложить.

Так, в сорок треть..., тьфу ты! От две тысячи первого отнять одну тысячу девятьсот сорок три – это что же получится? Это получится...

Кирилл напряг мозг и даже закрыл глаза, чтобы ничто не отвлекало его от умственной работы.

...Ага, это значит... мне сейчас... пятьдесят семь лет, почти пятьдесят восемь. Ну, себе ничего! – мысленно воскликнул он. Вот это да!

И чтобы не ошибиться в подсчётах, он ещё раз пересчитал.

Смотри-ка, а ведь точно – полных пятьдесят семь лет иии...

От полученного результата подсчёта он даже поскрёб у себя затылок.

Тут ему, неожиданно, вспомнились их с Ниной уже взрослые дети – Боря и Светлана, вышедшая в этом году замуж, и на свадьбе которой они с женой так и не побывали. Вот помру, подумалось ему, а зятя так и не увижу.

Да и сынок, Борис, как он там? В Москве? Конечно, он парень, ему легче в жизни пробиваться, но... без родительской поддержки тоже, знаете ли, не мёд. По себе, детдомовскому шалопаю, помню. Сколько тумачков заработал, пока школу закончил..., сколько тумачков и царапин!

Тут он, сам не ожидая, ударился в воспоминания о прошлой жизни в Никопольском, что в Украине, детском доме.

* * *

Как он попал в детский дом – он не помнит. Как-то воспитательница на его вопрос о родителях сказала, что его совсем маленького принесли в детдом люди, нашедшие его в кровати умирающим, а на диване лежала давно умершая пожилая женщина. Принёсшие его люди сказали, что это его бабушка. Больше она ничего не знает. Может быть, ещё что-нибудь в документах есть? Так это в архиве, а ключ у директора. Просто так туда не забраться.

Шли годы. Кирилл совсем забыл о своём желании что-либо узнать о своих родителях, и стал таким же, как все, детдомовцем – вороватым, драчливым, и с речью больше состоящей из нецензурных слов. Их, детдомовцев, все боялись и сторонились, как прокажённых, потому что они всегда ходили ватагой, и чуть что, защищая друг друга, сразу кидались драться.

Весь мир для него делился на своих ребят и маменькиных сынков – чистеньких, наглаженных и накормленных. Считалось большой честью отобрать у «маменькиного сынка» домашний пирожок или булочку, а если, вывернув у него карманы находили деньги, то и деньги, выдаваемые родителями ему на обед. А, если..., а если быть до конца честным, поду-

мал Кирилл и вздохнул, то они где-то в глубине своей пацанячьей души просто завидовали этим чистеньким, хорошо одетым домашним ребятам.

У этих ребят было всё, чего не было в детдоме – папа, мама, коньки, санки, абрикосы, арбузы, школьная форма, и даже фуражки с красивой кокардой, а у некоторых велосипеды и даже... собаки. А в детдоме всего этого не было, и в ближайшем будущем не предвиделось. Значит, чтобы это заиметь нужно было или отобрать что-то у маменькиного холёного сынка, или украсть!

Как сейчас помню, тянулась дальше мысль Кирилла, мне так хотелось покататься на настоящих коньках, а не на самодельных деревяшках с проволокой, но где их взять? Настоящие железные коньки тогда у меня даже перед глазами стояли. Такие, с загнутыми носами, блестящими лезвиями и креплениями из свиной кожи. Их..., их, если я не запомнил, «Снегурками» называли. И ещё мне нравились эти..., как их..., нуу, пацаны называли их, то ли «ледянки», то ли ещё как-то... В общем – остроносые такие. Я бы за них даже свой самодельный ножик – гордость детдомовца – отдал!

Такие коньки были, но не у меня, а у двух братьев, живущих не так далеко от нашего детского дома, совсем рядом, метрах в ста-ста пятидесяти вниз по переулку.

И однажды я решился! Решился отобрать у них коньки! Их блестящие, хромированные коньки, сам, в одиночку, чтобы владеть ими одному, без-раз-дель-но!

Выследив, когда они выйдут на улицу покататься-покрасоваться, я подбежал к ним и, вытащив ножик из кармана, приказал: «А ну, снимай коньки! Быстро!»

Старший брат, я видел это по его глазам, на какое-то мгновение растерялся и, наверное, отдал бы коньки, а вот младший (я даже не ожидал такой прыти от него) неожиданно ударил меня коньком прямо по ноге.

Адская боль пронзила меня и я, со слезами на глазах, упал на колени, а они убежали домой.

Это была моя первая, и последняя, в жизни попытка грабежа среди бела дня. Не знаю почему, но я больше их не выслеживал и не трогал. Та, так плачевно закончившаяся для меня встреча с ними, отрезвила меня что ли, сняла с глаз пелену зависти. Не знаю, честно говорю, не знаю! Объяснения у меня и сейчас нет, почему я перестал отбирать вещи у других, более слабых и незащищённых.

А вот в ночных налётах на соседские сады я участвовал. Ещё как участвовал.

Как только фрукты или овощи начинали созревать в садах и огородах я, собрав ватагу из десяти-пятнадцати мальчишек и девчонок (да, девчонки тоже иногда участвовали в наших набегах), ночной порой налетал на приглянувшийся мне сад-огород.

Мы, всем скопом, опустошали его, выдирали с корнем, ломали и крушили всё, что попало нам на глаза. Мы набивали животы ворованными абрикосами, вишней, яблоками, морковью, огурцами, помидорами, так, что они трескали от переизбытка пищи.

И опять же не пойму, по какой такой причине я не делал налётов на сад двух братьев, хотя абрикосы в их саду, между прочим, были то, что надо – крупные и, наверное, очень сладкие, а на грядках росла всякая всячина.

Можно было подумать, что на их сад-огород кто-то наложил табу для меня...

Кирилл, вспомнив свою жизнь в детдоме, даже усмехнулся. К чему бы эти воспоминания, дёрнув плечом, подумал он? Не иначе, как расслабился, вот и потянуло на далёкие, полуголодные детдомовские воспоминания.

...Это ж надо, какие горы пришлось преодолеть, чтобы школу без троек закончить, сколько труда вложить. Одним словом – детдомовский! Ни от кого помощи, ни от кого доброго слова. Но ничего, выдержал, не сломался. По кривой дорожке, как некоторые мои одноклассники, не пошёл.

А когда в институт поступал, сколько нервов потрепал. Вы только подумайте люди добрые – сдать экзамены, набрать на два балла больше, чем количество проходных и, не увидев себя в «списках» зачисленных в студенты. Считай, целый месяц, тридцать дней, пришлось обивать пороги деканата и ректора. Упёрлись – «Вы не сдали письменную работу – сочинение, по русскому языку и литературе». Нет, каково, а? В конце-концов пришлось пригрозить – если не найдёте моё сочинение, иду в прокуратуру, а затем подаю в суд.

И-и... что вы думаете? На второй день сам декан нашёл моё сочинение в архиве, а ещё через полчаса мне выдали студенческий билет...

* * *

– Кирилл, держи! – прервав воспоминания, подал ему полупустую бутылку с дешёвеньким вином, напарник, с которым он вот уже считай три года работал здесь, на этом чёртовом рынке. Работал в «высокой» должности – принеси-подай!

...Выпей, мне для друга не жалко, добавил он, примостившись рядом на мешки с картошкой, капустой и редькой.

Кирилл, ни слова не говоря, приложился к бутылке и забулькал горлом, вливая в себя дрянное, дешёвое вино. Не выпитый остаток он протянул напарнику.

– Что-то я, Стёпа, сегодня не в норме. Что-то душа томится, и мысли разные в голову лезут. Может детишек давно не видал, а? Господи, как они там?

– Ты про кого говоришь-то? Про Светку, что ли? Так сам говорил – замуж она недавно вышла за очень хорошего и богатого человека.

– Говорить-то, говорил. Да сам-то не видел... Пропил я свадьбу-то дочери.

– Ну, так чего? Возьми и съезди. Тут же всего ничего. Подумаешь, каких-то двести километров. Можно... сегодня туда – завтра обратно. Я тут как-нибудь без тебя эти дни... один поработаю. Ничего, справлюсь, я жилистый...

– Хороший, нет, замечательный ты у меня друг, Стёпа. Душевный...

– Да чего там...

Они сидели и молчали, думая каждый о своём. Сделали ещё по глотку из уже почти пустой бутылки, и Степан, что-то буркнув себе под нос, поднялся.

– Пошли к Ваське-буржую, и подал Кириллу руку. – Отпросишься на два дня по семейным обстоятельствам. Попроси у него заработок за неделю. Даст, не обеднеет, добавил он. Не даст – у старой гримзы попросим.

Хозяин недовольно скривился, услышав просьбу Кирилла. Но после поддержки того Степаном, и его согласием поработать за двоих, с грехом пополам согласился, посетовав напоследок на свою доброту, и умением некоторых несознательных и ленивых, вить из него верёвки.

И он бы ещё долго изощрялся в «красноречии», если бы Степан не увёл Кирилла, потянув его за руку.

– Ишь, боров ненасытный, разжирел на чужом труду, – ворчал он, таща за собой Кирилла. Эксплуататор! Капиталист! Какой он предприниматель, продолжал он возмущённо? Обыкновенный махровый спекулянт! Купил дешевле – продал дороже... «Казённый дом» по нему, живоглоту, давно плачет. Ждёт, не дождётся...

– Ладно, Стёпа, угомонись. Не трепи нервы! Плетью обуха не перешибёшь.

– Чего угомонись, чего успокойся? Трахнули нас капиталисты и в хвост и в гриву. А ты, угомонись..., да успокойся...

Я понял бы его, если бы он сам, со своей семьёй, вырастил эти овощи-фрукты, а потом вывез на продажу. Тогда, да – это честный труд! А так – обыкновенный спекулянт! На чужом горбу в рай хочет въехать! – продолжал кипеть-возмущаться Степан, провожая Кирилла на автобусную остановку. И въедет сволочь, жирная морда спекулянтская... Чтоб он сдох, не сейчас, так завтра! И такие же как он все передохли!

– Послушай, Стёпа, хозяин будет ругаться, что тебя долго нет на месте.
– Подождёт, не сдохнет! – Могу я друга до автобуса проводить. Ты же чуть живой, – не согласился он с Кириллом. Вон, какой бледный...

Глава девятая

СВЕТЛАНА

...Она видела – он неотрывно смотрит ей в лицо, как-будто что-то хочет прочесть на нём. А, что он может увидеть или прочесть? Только любовь и желание принадлежать этому мужчине.

Она попыталась овладеть своими чувствами и, сдвинув брови, постаралась придать лицу выражение холодной неприступности. Любопытно, подумала она со страхом, заметил он её состояние, или нет и, опять почувствовала, как лицо начало полыхать от внутреннего жара. Да что же это такое! Ну-ка, прекрати немедленно краснеть, – попыталась она приказывать себе. Я что, девочка пятилетняя, не умеющая владеть своими чувствами?

Мысленно встряхнув себя за плечи, она, почти спокойно, посмотрела на него, но опять испуг охватил её тело.

Он смотрел на неё, не отрываясь, словно хотел вобрать её всю в себя.

Светлана опять затрепетала, как пойманная в сети лань. Мне необходимо бежать от этого человека, подумала она трепеща, и даже лихорадочно попыталась заставить себя сделать это, но не могла сдвинуться с места.

Так, скованная по рукам и ногам невидимыми кандалами, кандалами вихрем налетевшей любви, она покорно отдалась этому сладостному чувству.

Как сквозь плотный туман она увидела, и услышала:

...Его лечит Светлана Кирилловна Соколова, говорил он, заглядывая ей в глаза. Так она здесь? Не подскажете? Как мне встретиться и переговорить с ней? Куда пройти?

– Вы, знаете, – наконец-то почти придя в себя, почти спокойно ответила она, – она здесь и вы вполне можете поговорить с ней..., если... это конечно очень срочно, – добавила она, и вновь залилась жарким румянцем.

– Я..., я... очень хорошо понимаю – Новый год и всё такое... Вероятно, я не вовремя...

Светлана видела, он пытается оттянуть время расставания с ней. Правда, делал это неуклюже, по-мальчишески смущаясь, но ей почему-то это нравилось, и она, также не желая скорого расставания, наслаждалась его попытками.

– Представьте себе, действительно не вовремя, – нисколько не помогая ему выйти из затруднительного положения и, в то же время, любуясь им, почти прошептала она.

Тут она снова смутилась: как это можно – любоваться мужчиной? Да! Он очень ей нравится. Но он же не красивая игрушка, в самом-то деле? Он – муж-чи-на!

Она окончательно запуталась в своих эмоциях, в своих чувствах и, чтобы, так ей казалось, выбраться из лабиринта сравнений и неувязок, она сказала себе: «Я женщина, и мне присуще всё женское!», а чтобы больше не затягивать его мучительную попытку выбраться из сложившейся ситуации, она всё же решила помочь ему:

– Я, Светлана Кирилловна Соколова – лечащий врач вашего Иван... Иваныча. Ему необходимо ещё полежать. У него вирусная форма гриппа..., с осложнением, добавила она, и, простите, мне необходимо идти.

– Ну, хоть на несколько минут я могу навестить его и кое-что спросить?

– Увы. Нет! В больнице карантин.

И, желая смягчить свой резкий ответ, она продолжила: «Не переживайте так за своего заместителя. Он, в настоящее время, уже неплохо себя чувствует и, через два-три дня, то есть, после праздника, мы его выпишем»...

Так..., сейчас он, как все мужчины (до чего же они неоригинальны), начнёт напрашиваться проводить меня, решила она. И, со страхом..., и некоторой надеждой, что он именно так и поступит, стала ждать этого волнительного момента.

Но он промолчал, он не предложил. Он почему-то не пред-ло-жил! Такого не должно быть! Ну не должно же быть такого, в смятении подумала она. Не долж-но-о!

Она стояла, не шевелясь, и смотрела, как он уходит, сказав лишь – «До свидания», и в знак подтверждения сказанному, коротко кивнул головой. Уходит! Уходит всё дальше и дальше от неё по заснеженной дорожке, а затем, завернув за угол больничного корпуса, и вовсе исчезает из виду...

Глаза Светланы вдруг что-то защипало, и непрошенные слёзы туманом застлали всё вокруг.

«Улетел мой сокол ясный, улетел», пришли на ум откуда-то запомнившиеся слова. Господи...! Ну почему в жизни так получается? Вот только что было счастье – она могла потрогать его руками и, миг его не стало. Оно растаяло, словно туманная дымка в летнее прохладное утро, оно растаяло под нежаркими утренними лучами солнца.

Спустившись с пандуса, она медленно побрела, опустив голову и вытирая катящиеся по щекам слёзы. Грустные мысли теснились в голове, навевая печаль и тоску... «Вот тебе бабушка и Юрьев день» – вспомнилось ей и, вслед «Как встретишь Новый год – так и проведёшь его».

Даа... уж чего хуже можно придумать – не придумаешь. Видно судьба у меня такая, продолжали бежать мысли в голове, как она хочет, так и вертит человеком. Вот захотела она помянуть меня счастьем – поманила, да тут же и отобрала.... Не раскрывай рот широко, Светка – этот сладкий кусочек может не попасть в него, а только губы помажет.... Вкус почувствуешь, а съест не съешь.... Так-то, девочка!

Почему так, я не понимаю? – обиженно спросила она у того, кто распоряжается нашими судьбами?

Но он не ответил ей, он промолчал.

Вокруг, от ярко светящего солнца, всё блестело. Каждая снежинка, отражая свой неповторимый свет, нет-нет да зацепит, как-бы играя, своим лучиком Светлану. То пройдёт по щеке, то пощекочет её хорошенький носик, а то, вдруг, как брызнет всеми цветами радуги прямо в глаза.... Тогда Светлана щурилась, отворачивалась, но слепящие лучики и тут находили её.

Она понарошку сердилась, закрывалась от них рукавичкой, но лучики не отставали, продолжая свою весёлую игру и, Светлана не выдержала. Она сдалась на милость победителей, как крепость сдаётся смелому, храброму рыцарю.

Слёзы постепенно высохли. На щеках опять заиграл румянец, а на чуть полноватых, розовых, нежных губках, появилась едва заметная, как раннее солнышко, улыбка.

Навстречу стали попадаться редкие ещё, прохожие. Город пробуждался и, набирая скорость жизни, готовился к трудовым будням.

В права вступал Новый Век! Век надежд и разочарований, встреч и разлук, горя и радости!

Я тоже вступаю в этот новый, неизвестный ещё никому, загадочный век, и каким он будет для меня, я не знаю – утверждая и спрашивая, шептала Светлана. Ах, как хочется, чтобы он оказался для меня добрым, и чтобы меня полюбил тот мужчина с голубыми глазами.

Затем, её мысль перекинулась на более глобальный вопрос – **«А что же он даст, этот Век? Чем наградит всех людей?»** – размышляла она, идя по улице и всматриваясь в лица встречаемых. И не находила ответа. Да и как его найти – **«ответ»**, на совсем, совсем не простой вопрос? Ответ, который ищут люди со дня своего рождения и до глубокой старости. Ответ, скрытый за семью замками или, как будет более правильно – печатями?

Она шла по улице..., по улице, на которой ей был знаком каждый дом, каждая дверь во двор и, даже каждая кошка, греющаяся на солнышке, на подоконнике за стеклом. Она ходила по этим улицам, по этому городу вот уже шесть с лишним лет: пять с половиной лет студенческой жизни, и почти год работы в больнице...

...Шесть, нет, почти семь незабываемых, прекрасных по-своему, лет её жизни. И вот, среди покоя и неги пришла *гроза* в её девичью жизнь! Она налетела неожиданно, необузданным ураганом, ломая всё на своём пути, вырывая с корнем деревья и завывая...

Так думала Светлана, вспоминая преподнесённую ей, казалось, самой судьбой, встречу с тем человеком, с человеком, в которого она сразу и безоглядно влюбилась, и, с которым готова была пройти рядом всю свою жизнь.

Где же ты сейчас? – спросила она шёпотом у пространства. Что делаешь?

Глава десятая

НИКОЛАЙ

Он шёл по коридору, опустив голову и заложив, как ему приказал охранник, руки за спину, а позади громыхали армейские ботинки со шнуровкой. Коридор был длинный, а пол, проплывающий у него под ногами, был застелен грязного цвета линолеумом с, кое-где, рваными проплешинами.

Всё это проплывало мимо, не задевая его сознания. В голове мелькали обрывки мыслей, казалось, что это калейдоскоп крутится у него в голове: мелькнула и тут же пропала мысль о работе – что подумают о нём сослуживцы, узнав о его неприятностях? И тут же – где его машина, которую он приобрёл совсем недавно? Говорят, в полиции частенько «банкуют» автомобили. А может, врут люди?

Обиделся какой-нибудь бедолага на «беспредел», вот и пустил слушок. А там, глядишь, пошло-поехало. Долго ли снежному кому превратиться в лавину? Кто-то добавил, кто-то убрал...

– Стоять! – словно удар в спину раздалось сзади, затем, последовала новая команда – «Лицом к стене!»

Николай послушно остановился и, приподняв голову, повернулся лицом к стене.

Перед его глазами находилась покрашенная грязно-зелёной масляной краской, облупленная, с нацарапанными вероятно каким-то металлическим предметом, скабрёнными словами, стена.

В тишине коридора раздался звон ключей, затем, со скрежетом и каким-то душераздирающим визгом, как-будто пальцем провели по мокрому оконному стеклу, открылась железная дверь, которую Николай только вот сейчас заметил рядом.

– Входи! – опять приказал тот же голос.

Николай перешагнул через небольшой порог и, очутился в камере.

Сзади опять повторился тот же скрежет с визгом – дверь захлопнулась!

В полутёмной, небольшого размера, комнатухе, стояли две двухъярусные кровати, на одной из которых, внизу, сидел человек. Между кроватями стоял накрытый клеёнкой столик, а у самой двери, что-то похожее на унитаз. Из-за плохого освещения, Николай не очень-то хорошо всё это рассмотрел. Но он ясно увидел толстую металлическую решётку за окном, и наклонный деревянный козырёк за ним. Этот козырёк закрывал вид за окном, и даже встав на стол ничего нельзя было бы увидеть.

– Проходи, занимай койку внизу – своё новое место горя и печали, – пригласил его сидящий человек, показав на противоположное место. Будь как дома, невесело пошутил он, привыкай.

Николай осторожно прошёл между кроватями и сел на табурет. Садиться на застеленную неопределённого цвета одеялом, с двумя парами поперечных, вроде бы сине-зелённых полос, кровать, он побрезговал.

– Давай знакомиться, мил человек, – предложил сидевший на кровати сокамерник. Меня зови попросту – дядя Юра. А тебя как звать-величать, попавший в юдоль скорби и слёз, сокол ты мой ясный?

Только сев на табурет, Николай смог рассмотреть говорившего с ним человека:

Кряжистый дедок лет под семьдесят-семьдесят пять, с бородой лопатой и весь обросший буйным седым волосом, он чем-то напоминал портрет, написанный художником А. А. Васильевым – его (портрет) Николай видел в музее В.А.Тропинина будучи проездом в Москве. И даже его взгляд чуть прищуренных, с хитринкой, глаз, был похож на тот, написанный художником, вероятнее всего с оригинала.

Такое сходство лица и, предположительно, речи, поражало. Так и хотелось спросить: «Вы, случайно, не близкий родственник того самого, который в музее ..., на портрете?»

– Николай, – ответил он.

– Ну, вот и ладненько, – согласно покачал головой дедок, и продолжил, – человек не может быть без имени. Даже животные и птицы, которые рядом с человеком живут, имена свои имеют. Имена энти, правда, даёт им человек и, как сам понимаешь..., не всегда правильные. В имени, данном при рождении, ежлив оно, скажем, дано конешно человеку, а не бессловесной скотине, заложона судьба человека. И, к примеру, вот, ежлив твоё имя...

Николай постепенно сообразил: по-видимому, его сосед по камере давно не имел возможности поговорить «с чувством, с толком, с расстановкой», или был из тех ещё говорунгов, которых хлебом не корми, а дай высказаться «по поводу и без повода». Но поддерживать с ним разговор не было ни сил, ни желания. Поэтому, он просто сидел на табурете и, молчал, а мысли его были далеко-далеко.

Как сквозь вату пробивался говорок дяди Юры, который, кажется, всё развивал и развивал тему присвоения имени и, этот говорок, казалось, убаюкивая Николая, покачивал его на словах-волнах. Иногда в сознании появлялось небольшое просветление, казалось, форточка открывалась в наглухо закрытом окне. Тогда он улавливал некоторые слова: жизнь человеческая, божественная сила, или – Бог наш заступник и утешитель.... И ещё что-то в этом роде, но их смысл, смысл слов, не доходил до его сознания...

Слух и понимание происходящего вернулись к нему от звука вновь издавшей скрежет и визг, открывшейся металлической двери в камеру.

– Тризна! – раздался когда-то слышанный голос от двери. На выход! Да поживее, нечего копать, как разомлевшая на солнцепёке курица!

– Чай, с вещами, мил человек? – поинтересовался дядя Юра. А то я уж засиделся тут, и баушка меня, чай, заждалась-от домой.

– Нет! Не сегодня, посидишь ещё немного. На допрос к следователю пригласили... персонально, – пошутил конвоир.

– Так я же был у него, – поднялся, расчёсывая пятернёй бороду, дед.

– Давай-давай, пошевеливайся! – построжел молодой конвоир, – и не забудь руки за спину заложить.

Вновь заскрежетала, завизжала, дверь – Николай остался один.

От сидения на жёстком деревянном табурете, да ещё и в неудобной позе, заболела спина. Он посмотрел на тюремную, теперь «свою», кровать, потрогал одеяло, матрас и, тяжело вздохнув, лёг поверх одеяла... «Даа, это не у родной мамы на пуховой перине», подумалось ему, когда он начал приспособивать под голову всю из ватных комков, небольшую подушку. У нас в детдоме, помнится, постель была намного лучше, с иронией подумал он о тюремной постели.

Как только тело немного расслабилось, тут же головой опять завладели мысли.

Странно, подумал он, неужели от положения тела в пространстве зависит мозговая деятельность человека? В таком случае, небезызвестный литературный Обломов должен быть великим умницей. Это ж надо, всю жизнь пролежать на диване...! Что-то верится с трудом. Может быть, присочинил писатель для большего эффекта?

От Обломова мысли повернулись опять на себя, на своё – такое незавидное, такое несуразное положение.

В сотый, тысячный раз он спрашивал неизвестно кого – кто взял его Фольксваген и, зачем? Может быть, какой-то пьяный решил прокатиться...? Но... в таком случае, почему не сработала противоугонная сигнализация? На кой чёрт, позвольте спросить, я отдал за неё такие бешеные деньги...? Брелок с ключами есть только у меня и у Светланки: мы их не теряли... Светлана сказала бы мне обязательно, если бы она их потеряла... А я-то точно не терял! Ничего не понимаю!

Перед его мысленным взором, словно морская дева из пучины морской, появилась его молодая, красавица жена... Память Николая мгновенно перенесла его в прошлое, в тот первый Новогодний день, когда увидел её. На душе потеплело, словно рядом зажгли небольшой костерок, и этот костерок отогрел замерзающую душу.

«Снегурочка моя! Родная моя..., как ты там?» – прошептал он. «Ты же ещё ничего ничего не знаешь. Не знаешь, какая огромная беда обрушилась на нас!»...

И мысли, словно прорвавший запруду весенний ручеёк, побежали, побежали, разматывая и разматывая виток за витком, клубок памяти...

* * *

...Она стояла у дверей приёмного покоя: тоненькая, в белой шубке и такой же белой шапочке, освещённая яркими лучами утреннего солнца – вся такая светлая-светлая, с огромными зелёными глазами, похожая на снегурочку. Он как-то сразу, даже не задумываясь, назвал её снегурочкой.

Подойдя к ней, он в первое мгновение даже как-то растерялся, хотя раньше... Раньше он был смел и изобретателен при встречах и знакомстве с девушками – я не хуже других, говорил он себе, и добивался своего!

Перед его напором не могла устоять ни одна из них, но все они, эти знакомства, рано или поздно заканчивались тихо и мирно, переходя в бескорыстную дружбу. В них не было главного – любви! Да, именно любви, которую он искал, и ждал, и не мог найти, а была только страсть.

Он прекрасно понимал это, но... не евнух же он в конце-концов.

Ноо... чтобы вот так! Сразу и наповал из двух стволов..., дуплетом...! Из-ви-ни-те! Такого с ним ещё ни одна девушка не позволяла... Да, но здесь...!

Здесь, наверное, был совершенно другой случай. Здесь он сам, как осаждённая крепость сдаётся на милость победителей, так и он, захотел пасть перед этой, неземной девушкой. Он сразу и бесповоротно утонул в её зелёных глазах-озёрах, раз и навсегда! Эта девушка, стоящая у дверей больницы..., такая..., вначале радостно-счастливая, а затем растерянно-взволнованная, была его судьбой.

Он, нечаянно встретясь с ней взглядом, почувствовал какую-то духовную, что ли, связь с ней, словно они много-много лет тому назад были связаны между собой родственными узами.

Он испугался этого чувства, и в то же время не мог уйти, не сказав ей ни слова. Прямливая что-то о своём госпитализированном заместителе, он быстро попрощался и, стараясь не оглянуться, чтобы не показаться смешным, быстро ушёл.

Не прошло и двух дней, а Николай совсем извёлся от желания видеть Светочку – Светлячка, как стал он называть её про себя. При вспоминании её образа, её голоса, журчащего весенним ручейком, лицо его принимало какое-то растерянно-ласковое выражение.

На второй день после встречи со Светланой Кирилловной, когда он появился на работе, Зиночка, увидев выражение его лица, удивлённо-обеспокоено спросила: «Николай Александрович, с Вами всё в порядке, Вы, случаем, не заболели?»

Не ответив на её вопрос, надев на себя, маску – маску строгого хозяина (если бы она знала, какого невероятного труда стоило ему это перевоплощение) он, предупредив её, что поехал по делам, и неизвестно когда будет назад, помчался в больницу.

* * *

С этого дня они начали встречаться.

Каждую свободную минуту они проводили вместе. Шли на каток и, взяв напрокат беговые коньки – «норвежки», так их все называли за длинные лезвия – они под громко льющуюся из динамиков музыку носились друг за другом. Или, взявшись за руки, плавно скользили не обращая внимания на окружающих, совершенно забыв, что вокруг них существуют ещё и другие люди. А, затем, устав и проголодавшись, шли в ближайшую пиццерию, заказывали пиццу и кофе «глиссе».

Ему было очень хорошо с ней. Так хорошо, что он обо всём на свете забывал, забывал даже о любимой работе.

И вот однажды дьявол – чёрт завистливый, желая испытать их взаимные чувства, устроил им проверку. Очень жестокую проверку:

Они стояли рядышком на берегу Иртыша, и смотрели на катавшихся на расчищенном льду, ребяташек. Возможно, ничего бы и не случилось, не начни они, дурачась на скользком берегу, толкать друг друга. Не иначе как это были козни нечистого!

После очередного Светкиного толчка Николай, поскользнувшись, упал, и в считанные секунды съехал к краю прорубленной в этом месте проруби. Пытаясь удержаться и не соскользнуть в воду, он расставил руки, но скорость скольжения была велика, и задержаться ему не удалось. Пробив тонкий ледок – это Светланка потом пошутила, рассказывая – он тюленем нырнул в воду.

Ему необыкновенно повезло – в этом месте не было течения!

Он вынырнул и, хватаясь за кромку льда голыми руками, попытался вылезти. Руки соскальзывали, намокшая одежда тянула вниз...

Николай краем глаза увидел, как Светка, сев на зад, заскользила с горки к нему на помощь, но он также увидел: она скользит прямо на него, и понял – сейчас они будут уже вместе в проруби...

Расставив руки и напрягшись, он попытался, как на «кольцах» в спортзале, удержаться на поверхности и не дать ей влететь в прорубь, и ещё раз окунуть его в холодную воду...

У него получилось! Он смог удержаться сам и удержать её на поверхности.

Потом, помогая ему, она долго тащила его из воды – оскальзываясь, падая, обламывая ногти и плача, а вокруг стояли ребяташки и звали на помощь.

Они сумели выбраться сами, и этот эпизод в их счастливой, безоблачной жизни, ещё больше сблизил их.

Сушились они в его квартире, а потом, как-то так получилось, она осталась ночевать у него.... И больше он её уже не отпустил.

В конце мая месяца они зарегистрировали брак, а ещё через неделю – обвенчались, благо церковь была в двух шагах от его дома...

* * *

Когда вернулся дядя Юра, Николай не заметил. Просто в его воспоминания постепенно стали вкрапляться какие-то посторонние звуки – вздохи, хрипкое покашливание, поскрипывание кровати и, приглушённое бормотание. А затем и вовсе кто-то затряс его за плечо.

Николай открыл глаза и непонимающим взглядом обвёл окружающую его обстановку.

В помещении было полутемно, и он не сразу сообразил, где находится. Над ним нависала чья-то лохматая седая голова, и беззвучно шевелила губами. Кажется, эта голова что-то говорила, но что, он понять не мог...

Постепенно сознание начало проясняться и, сев на койке, он расслышал:

... вот я ему и говорю, нельзя, мил человек, хотя ты, конечно, полицейский чин и представляешь власть, так ведь инструкция не позволяет... Инструкция!

А он не слушает, одно триндит: «Я пару кругов прокачусь и всё. – Тебе, старый хрыч, жалко самолётов, что ли.»

Наконец до Николая дошло: он же арестован, и закрыт как убийца кого-то в тюремной камере, а этот лохматый дед – его сосед по камере, и что-то обиженно ему рассказывает, пытается то ли его, то ли себя, в чём-то убедить.

Дядя Юра, вспомнил Николай имя лохматого дедка. Вроде бы так он просил его называть, когда знакомились, или я ошибаюсь...? Да, нет, не ошибаюсь.

– Я что-то не пойму, вы о ком говорите, дядя Юра? – рискнул назвать его этим именем Николай, и заодно пытаюсь понять, о чём, собственно, или о ком, идёт речь.

– Так ты, чай, совсем не слушал меня, мил человек. Я тебе, значит, всё в подробностях описую – за что в кутузку попал – а ты, навроде как, не слушаешь..., в своих мыслях застрял, тоись, я хотел сказать..., как-бы вдушевном расстройстве находишься...

– Похоже на то, дядя Юра, похоже на то, – сокрушённо признался Николай, и для убедительности даже развёл руки. – Вы не могли бы рассказать всё... с самого начала, – попросил Николай, чувствуя, что деду ой, как хочется поделиться своим горем с соседом.

Вероятно, дед принял меня за благодарного слушателя, подумал Николай и, по простоте душевной решил поделиться своими делами-заботами. Да и куда мне деваться? Из камеры не убежишь, и от соседа не отгородишься...

Он знал таких людей. Пока не выложат всё – не выпустят из своих цепких рук. Им крайне необходимо довести свою мысль до конца.

... Так, я ему и говорю, – послушай мил человек, хучь ты и власть, не прерываясь, продолжил сосед...

– Подождите, дядя Юра, – не дал он деду докончить фразу. – Вы с самого начала постарайтесь, а то я могу чего-то не понять... – Потом вы начнёте на меня обижаться...

– Так я и пытаюсь в подробностях тебе всё доложить, как было-то...

– Дядя... Юра..., да подождите вы, я же не отказываюсь вас послушать, давайте с самого-самого начала, с того момента, как Вы сказали...

– Ага. Так я ж с самого-самого начала и хотел. А ты, мил человек, всё дядя Юра, да дядя Юра! Только мысль перебиваешь, – обиделся старик. – Ты лучше не перебивай и не лезь «Поперед батьки в пекло», ты слушай!

... Так вот, значит, дежурство у меня проходит в Центральном парке Культуры и Отдыха, вновь начал он свой рассказ, я давно там работаю – сторожем. Всё какая-никакая прибавка к пенсии. Ну, чай, сам знашь! На молочко там... с мягкой булочкой, на сметанку...

Ну, вот. Заступил я, неделю тому назад на смену, ну, тоись, принял инвентарь по описи...

– Какой инвентарь у сторожа? – удивлённо поинтересовался, Николай.

– Тоись, как это, какой? Ты что, Коля, в парке нашем никогда не был? – подозрительно покосился дед на него. Какой, какой?

– Да был я в парке! Много раз был.

– А, что же тогда спрашиваешь, какой инвентарь? Обнаковенный инвентарь: колесо обозрения – раз, – и дядя Юра стал загигать искривлённые артритом пальцы, –энтот, как его..., ераплан – два, горки разные значица, качели –двух сортов, и ещё много чего. – Ка-ко-й инвентарь...? – опять оскорбился дядя Юра.... Скажешь тоже.... Ты, слушай, да не смей перебивать...

...Зашёл я, значица, к себе в сторожку, почаёвничать с устатку, продолжил дядя Юра свой рассказ-быль, откуда ни возмись – полицейский. Ты, говорит, сторож здешний? Ну, я – отвечаю. Вот, говорит, хочу я на самолёте прокатиться..., испытать, как оно там, наверху, в воздухе? Не могу, говорю я ему, инструкция не позволят. Какая-такая инструкция? – заругался он.

Ну, я ему и говорю: «Билет надоть приобрести».

Так ты бы, дед, сразу так и сказал, опять говорит он, и достаёт из карманов непечатую бутылку...

– Вот ты скажи, Николай, – могу я в таком разе отказать хорошему человеку? Он меня уважил? Уважил! Должен я ему тоже уважение оказать? Должен...

На мгновение дед прервал свой рассказ и взял Николая за руку.

Подержав секунду-другую, отпустил и, продолжил:

...Пришли, значица, мы к ераплану, садится он в энтот самый ераплан и приказывает: «Давай, запускай мотор на полную мощь! И смотри, чтобы ветер у меня в ушах свистел! А то пожалеешь, чёрт нечесаный, что со мной связался!»

Ну, я чего? Я, конечно, маненько испужался – государственный человек ведь приказывает, при погонах, не какая-нибудь там вошь мелкая, вроде тебя или меня скажем, но понимашь какое дело – у меня инструкция!

– Не, не могу, – говорю я ему, – извини, не положено! Ты меня не пужай!

– Как так не могу? – закричал он мне с ераплана. Я тебе за билет заплатил? Заплатил! Так что, давай, включай свой «ераплан» и не морочь мне голову.

– Не могу, – опять я ему говорю. Не могу и всё, хучь режь меня на мелкие-мелкие кусочки...

Николаю стало интересно, чем же закончится экспериментальный полет на самолёте, охочего до дармовщины мелкого полицейского чина? И он стал слушать более внимательно.

...Ты, говорю, инструкцию нарушашь, продолжил свой рассказ дядя Юра. Надобно ремнями пристебнуться, а то выпадешь невзначай, разобьёсси, а мне отвечай? Нетути. Мне отвечать за тебя не хочется, мне ишшо пожить охота, да и старуха моя ругаться будет...

Ну-к, застебнул он, значитца, всю портупею – я за ним наблюдал строго: в нашем деле, Коля, соблюдение инструкции – главное дело, не то што как у некоторых других...

Николай уже еле сдерживал смех. Ситуация складывалась трагикомическая. Он чувствовал – добром эта полицейская затея не кончится, а дед был краснобай, каких поискать.

...Включил я, значитца, моторы на полную мощность, дальше вёл свой рассказ дядя Юра, он, значитца, сделал два круга. Слышу – кричит и рукой машет, навроде как, ты иди себе, иди, а я ещё покручусь малость.

Я сразу здагадался – пандравилося ему шибко летать. А то што лицо зелёное, так энтот может с непривычки к полёту, а может быть луна своё отражение имела, ну, хучь бы от ераплана, или дерев.

Ну, раз он доволен, я, знамо дело, пошёл к себе в сторожку..., не буду же я спорить, ежели за билет заплочено сполна, и он сам меня отпустил.

Ну, выпил я маненечко, не пропадать же честно заработанному угощению-то, огурчиком закусил...: у меня ещё с прошлого дежурства два штуки солёненьких припрятано было. Потом... ишшо маненечко приголубил..., потом..., кажись, уснул, не помню...

Проснулся я от какого-то шума на моей территории. Дай, думаю, погляжу, кто это на моей подотчётной территории буянит? Выхожу и, что ты думаешь, вижу? А вижу я Коля настоящие страсти Господни..., куды там в кине! Представляешь, стоят две полицейские машины, а чуть подале скорая помощь – красно-синие огни так и мигают, так и мигают, будто на ёлке новогодней, а вокруг народишшу, не сосчитать...!

Што за наваждение такое у меня перед глазами, никак не пойму?

Подхожу я, значитца, к народу и спрашиваю: «Што такое могло случиться на моей, строго охраняемой, территории?» Один парнишка, такой лохматый, и до того рыжий, што страсть, оборачивается на моё вполне законное недоумение и так, знаешь, со смехом, отвечает: «Да, тут, дед, кино! Один полицейский решил бесплатно на самолёте полетать... Вот и полетал!»

Ну, тут мне ка-а-к вдарит в голову! Господи! Так это ж мой полицейский! Я же про него совсем забыл! Ох, божеж ты мой, вот напасть-то на мою седую голову!

Пробираюсь я, значитца, поближе, чтобы рассмотреть «дело рук своих» – лежит сердешный, то ли живой, то ли совсем мёртвый, не шевелится. Врачи брезгуют к нему прикасаться – с ног до головы облёванный и дерьмом обгаженный, ажно до меня евоная вонь дошла...

Николай долго сдерживал смех, а тут не выдержал, захохотал во всё горло. Ха-ха-ха! Ой, не могу! Ха-ха-ха!

Он хохотал так, как никогда в жизни до этого, не хохотал! Хохотал до колик в боку! Хохотал так, что обо всём на свете забыл, и по его небритым щекам от неудержимого смеха градом катились крупные слёзы.

Прекратить шум в камере! – послышался из-за двери окрик, и тут же заскрежетал ключ в замке.

Глава одиннадцатая

НИНА

Хозяин ушёл, и больше никто не мешал ей работать. Как говорят – «Без хозяина перед глазами, работается легче». Начался обыкновенный, будничный рабочий день. Перед её глазами проходили молодые люди и старички-пенсионеры, добрые и злые, смешливые – любители по поводу и без повода позубоскалить и, зацикленные на своих болячках нытики.

С «последними» – работать было намного сложнее. Они капризничали, не воспринимали полезных советов и считали, что – все и вся должно крутиться вокруг их персон. С такими покупателями ухо нужно было держать остро. Того и гляди нарвёшься на неприятности: пойдут жалобы, а то и оскорбления, но Нине не привыкать к такой работе.

За свой долгий срок работы в аптечной системе, она привыкла ладить с ними. Это Люське непривычно и тяжело. Нина частенько видела слёзы на её глазах после «разговора» с такими вот горе-покупателями. Она как могла утешала её, говорила о сложном характере больных, короче – учила профессии.

К концу смены (аптека работала в круглосуточном режиме) Нину начали томить какие-то нехорошие предчувствия. Вот, казалось, придёт она домой, а там ждёт её что-то – ну, совсем нехорошее. Даже повышение в должности с приличным добавлением к зарплате, не могло заглушить охватившего её, тревожного чувства...

Может, Кирилл, опять пришёл домой пьяный, или у Светы что-то не так...? Как там она – в замужестве? Пишет, что всё хорошо, и муж, Николай, её очень любит, а верно ли это?... Возможно, она скрывает от родителей свои нелады в семье...

А, Боря? Уже месяц от него писем не получали. Как уехал со своим строительным отрядом в какую-то там Тмутаракань....

Господи, спаси и помилуй нас! Избавь нас, Господи, от неприятностей! – просила она ЕГО, вздыхая и украдкой вытирая повлажневшие от набежавших слёз глаза. Хорошо ещё, что в этот час посетителей в аптеке не было. – Господи, спрашивала с тревогой она, когда же моя сменщица-то придёт?

От волнения она не находила себе места. Вот так всегда в жизни, шептала она – когда не очень нужно – всё идёт как по прямой асфальтированной дороге, а вот когда...

* * *

Нина запыхалась, пока быстро, через ступеньку, поднималась к своей квартире. Позвонила раз, потом ещё раз, но почему-то Кирилл не открыл дверь.

Она отперла дверь своим ключом, а войдя в прихожую, услышала лишь звенящую тишину. Только в кухне одиноко тикали настенные часы-ходики.

Квартира была пуста.

Значит, Кирилл опять, как он всегда говорит в своё оправдание – слегка задерживается. Господи! – с болезненной тоской в сердце подумала она – опять придёт пьяный и лыка связать не сможет. Ну, до каких пор это будет продолжаться?!

Разувшись, прошла в кухню, не сразу обратив внимание на белеющий листок бумаги, лежащий на углу стола, а когда увидела, в груди что-то оборвалось. Быстро схватив, поднесла к глазам, а узнав почерк Кирилла, расслабленно вздохнула. Сердце чуть отпустило. Раз смог написать записку, значит не всё так плохо. Хотя...!

Прочитав, Нина задумалась. С какой такой стати, ни с того ни с сего, его понесло в Семипалатинск, к дочери? Объяснения не находилось. Нужно позвонить ей, решила она, уже набирая межгород. После нескольких томительно-длинных гудков, в трубке, словно человек находился совсем рядом, раздалось:

– Алло! Кто звонит? Говорите, я Вас слушаю. Это ты, мамочка?

Услышав спокойный голос дочери, Нина сразу узнала эту её привычку сразу начинать разговор с вопроса – «Кто звонит? Говорите, я вас слушаю».

– Да, это я, мама. Как у тебя дела, доченька? – поинтересовалась она, – всё в порядке?

От волнения горло, казалось, перехватило спазмом, и от этого ей трудно было произносить слова.

...Доченька..., папа у вас..., уже приехал? Дай... ему трубку.

– Ой, мам, ты чего? Откуда тут папка? Ты чего звонишь-то? Случилось, что? – зачастила Светланка...

В трубке, словно горох, посыпались беспокоящиеся о родителях вопросы.

– Света, он записку оставил, что поехал к тебе, – выдавила из себя Нина, – а ты говоришь, что его нет. Может, случилось в дороге что?

– Мама, ну что ты, как маленькая. Посмотри на часы. Он же выехал, скорее всего, последним рейсом... Ещё целый час до прихода автобуса, а потом... пока доберётся на городском автобусе – минимум ещё полчаса.

– Ладно, доча! Говоришь, у тебя всё хорошо? Муж не обижает?

– Ну, что ты мама такое говоришь! Он любит меня, и в больнице у меня всё – о, кэй!

– Ну, слава Богу, что у тебя всё нормально, а то, знаешь, что-то на сердце тревожно. Так и ноет, так и ноет. – Ты, доча, как только папа появится, сразу мне перезвони. Ладно? А то я волнуюсь за него... И чего это он поехал...?

– Мамочка, ну, конечно, я перезвоню. Ты не беспокойся. Как только...

– Свет, а твой Николай дома? Дай, я с ним парой слов перекинусь.

– Мам, он ещё не приехал с работы. Я сама никак его не дожусь. Ужин готовлю...

– Ладно, не буду тебя отвлекать. Раз у тебя, Света, всё нормально, я отключаюсь. – Но ты не забудь, как только папа появится, обязательно перезвони мне. – Ты, доча, поняла?

– Хорошо, хорошо, мамочка. Конечно, позвоню. Ой! Что-то подгорает!

Нина немного успокоилась, но полностью тревога не ушла. Она знала это состояние – как перед летней грозой: всё в природе вдруг затихает, на деревьях не шелохнётся ни один листочек, всё живое прячется. В воздухе появляется одуряющий аромат цветущих трав – воздух, казалось, густеет, и дышать становится тяжело. Такое ощущение, что ни вдохнуть, ни выдохнуть, так и кажется, воздух превратился в жидкое, бесцветное, пахучее желе.

А вверху, низко над головой, тёмно-синие тучи, медленно-медленно переваливаясь с одного бока на другой, стреляют стрелами-молниями. А затем, где-то далеко-далеко, вдруг послышится глухое ворчание, как-будто огромная собака, оскалив зубы, предупреждает – не подходи! Укушу!

И это рычание, всё ближе и ближе приближаясь, постепенно переходит в удары по огромному барабану, оглушая всё вокруг. А затем, разразится таким треском, словно одновременно разорвали не меньше сотни простыней, заставляя людей закрывать уши обеими руками, и приседать от ужаса и страха к земле...

И вот стихия набрала полную силу, иии... разбушевалась во всей своей неуправляемой красоте! Сверкают молнии, гремит гром, ветер со свистом гнёт деревья, походя обламывает ветки, а иногда и валит сами деревья. Тучи над головой несутся со скоростью курьерского поезда, а небо полыхает от всполохов ярких молний...

Так и у Нины сегодня. Она всей душой чувствовала приближение грозы, но только одного она не знала – с какой стороны она придёт. И это ещё больше заставляло её тревожиться. Она, в смятении, мысленно, направляла лучи-поиски в разные стороны, чтобы определить направление прихода грядущей опасности, но всё напрасно.

Был бы дома Кирилл, продолжала, тревожась, думать она – с ним она, несмотря на его частые появления с работы нетрезвым, она бы чувствовала себя более уверенной, более защищённой. Она была уверена – он всё ещё любит её как раньше, и готов защитить её и детей от любой опасности.

Зачем он поехал к Светлане? – спрашивала она себя, зачем? Или у него тоже появилось предчувствие опасности? Какой... опасности? Откуда? ...Почему именно к Светлане, а не к Борису...?

Она металась по квартире не находя себе места. С тревогой и волнением ожидала звонка от Светланы, от кого угодно, лишь бы прекратилось это её душевное переживание... И думала, думала!

В начале девятого вечера, когда она совсем уж извелась, позвонила Светлана – папа приехал, сказала она, добрался нормально, сейчас он принимает душ. А вот Николая почему-то до сих пор нет и, знаешь мамочка, я начинаю волноваться. Диспетчер автопарка ничего не смогла ответить – она недавно на смене...

Мама, может мне в полицию позвонить? – с тревогой в голосе спросила она.

Нина не знала, что посоветовать дочери, и чем, какими словами её утешить.

– Света, скажи, он, что, в первый раз так задерживается на работе, или нет?

– Нн-ет! Ты знаешь, мамочка, у него такая трудная-трудная работа... Он так устаёт.

– Тогда подожди тревожиться. Может у него, действительно, на работе что-нибудь случилось... ну, авария там, или ещё что-нибудь? Ты же сама говоришь, что он не в первый раз так задерживается... Придёт, объяснит.

– Хорошо. Но я, мам, волнуюсь за него... Раньше не волновалась, а сегодня...

В трубке послышался щелчок, а затем частые, короткие гудки. Светка отключилась.

Ну, Слава Богу, Кирилл доехал. С ним всё нормально... С этой стороны опасность не угрожает – высчитывала она, отбрасывая известные элементы, как выводивший новую формулу, математик.

Но... всё-таки, зачем, и... главное, почему так неожиданно помчался он к дочери? Он раньше никогда так не поступал. Если появлялась необходимость какой-нибудь поездки, он всегда ставил её в известность заранее, а к дочери они вообще собирались вместе съездить..., нагрнуть, так сказать, нежданно-негаданно на Новый год. То-то переполоху наделали бы!

Очень уж хотелось им с Кириллом на зятя поглядеть, продолжала она перебирать возможные причины своей тревоги. Светка, по её словам, души в нём не чаёт! Так уж она его расхваливает, так расхваливает... А, он..., как он к ней относится?

Господи, Боже, ты мой! Ну, почему у меня на душе так скверно? Почему?

Нина, не разбирая постели, не раздеваясь, легла сверху на покрывало. Мысли продолжали тревожно роиться в голове словно пчёлы, то перелетая с одного цветка на другой, то..., и совершенно неожиданно «провалилась» в тяжёлый сон...

Ей снилось, как они с Кириллом впервые познакомились на автобусной остановке. Как он налетел на неё, и как они упали под общий смех стоящих вокруг людей...

Она совершенно случайно оказалась в том месте. Просто у неё в кармане лежал приглашенный билет на лекцию в пединституте, и она ждала автобус.

...После их, такого курьёзного знакомства, они стали проводить вместе много времени. Кирилл, встречаясь с ней, часто повторял: «Знаешь, Ника, нас свела сама судьба».

Он с первых часов их знакомства не называл её Ниной, или Нинкой, он называл её Никой – богиней победы! Почему?

Он не объяснял ей – просто называл, и всё. А ей нравилось, что он так называл её.

А затем сон перенёс её в другое время. Время, когда они уже поженились, и он, посмеиваясь иногда, говорил: «У нас, Нинок, папаша, наверное, один был. Ну, сама посуди – ты Владимировна, я Владимирович. А? Каково! Интересно, где это мой, никогда не виденный мной папочка, тебя нагулял?»

Нина за словом в карман не лезла, на шутку отвечала шуткой: «Это тебя мой папенька с кем-то нагулял!» И они вместе весело смеялись.

А затем, продолжая «задирать» друг друга, вдруг замолкали на полуслове от внезапно нахлынувшей, всё затопившей страсти.

Кирилл подхватывал её на руки и нёс в спальню. Лихорадочно сбрасывая на пол одежду, падали на кровать и долго, с наслаждением, занимались любовью...

Нина, закрыв глаза, часто дыша и постанывая, млела от счастья и удовольствия...

Разбудил её какой-то ненормальный водитель автомобиля, решивший среди глубокой ночи отрегулировать сигнал. По-видимому, там что-то замкнуло, и на весь квартал раздавался душераздирающий рёв. Вот, придурок! – решила она. Время три утра, люди спят, а он... вздумал с машиной ковыряться.

Вставать было ещё рано и Нина, раздевшись и разобрав постель, легла досматривать сон.

Но вместо сна её опять одолели мрачные, тревожные мысли. Чтобы избавиться от них она решила как-бы продлить сон, вспоминая последующие события, но память, самостоятельно, не подчиняясь её воле, сделала скачок и перенесла её на сорок с лишним лет назад, в то далёкое, смутное прошлое, о котором она почти начала забывать...

* * *

«Сознательно» помнила она себя с момента, когда вместе с мамой, стоя на крутом берегу Иртыша, напротив дебаркадера, впервые в жизни увидела пассажирский пароход, подходивший к причалу. Ей он очень понравился: весь-весь белый и с красными спасательными кругами. Из высокой трубы клубами валил чёрный густой дым..., а потом пароход как загудит – ууу-гу-гу! Нина очень испугалась. Она спряталась за маму и прижалась к её ноге.

«Глупенькая, ласково сказала мама, чего испугалась – это он здороваётся с тобой. Посмотри, никто не боится».

Нина выглянула одним глазком и, правда, никто не боялся. Все махали руками и ждали, когда пароход причалит к дебаркадеру и совсем остановится. Огромные красные колёса, огромные-преогромные, сначала стали медленно крутиться, а потом Нина услышала, как пароход, сказав напоследок «Чоп-Чоп, уф-ф-ф», остановился.

И все, кто был на берегу и на дебаркадере, бросились бежать к пароходу.

Особенно быстро бежали дяденьки с бидонами и вёдрами. Нина очень удивилась – неужели у них дома нет воды? Вот же речка, совсем рядом, и водопроводная колонка, если надо, тоже близко, на «Стрелке». Странные какие-то эти дяденьки... И, словно это ей ответили, услышала, как мама пробурчала: «Вот чёртовы алкаши, всех растолкали!», а соседка, тётя Люба, добавила: «Паразиты! Ты только глянь, Верка, как наши деревенские мужики за пивом пощёрили! На работу бы так торопились»

Прошло немного лет и Нину повели в детский садик. Ничего особенного ей, из всей детсадовской жизни, не запомнилось. Они пели какие-то песни, скакали вокруг ёлки, но... вот один эпизод врезался в память надолго, навсегда..., до конца жизни...

Им дали на обед макароны с маленькими мясками (через год или два, она узнала название – «макароны по-флотски»), и вкусный-превкусный компот, её любимый, с сушёными грушами.

Ей очень понравились макароны. Она всё съела и попросила добавку. Рядом с ней сидел Ромка и ковырялся в тарелке, а из носа у него текло. Воспитательница отобрала у него тарелку и, сказав: « Не хочешь, есть?» – подсунула ей. Нина очень обиделась на воспитательницу и, выскочив из-за стола, убежала из детсада.

Она бежала, спотыкалась и падала, слёзы обиды заливали глаза, а за ней гнались и воспитательница, и нянечка, и даже сама заведующая.

Нина побежала не по главной улице, а более короткой дорогой, по тропинке, идущей вдоль берега Иртыша. Перебегая по хлипкому, из двух досок, пружинившему под ногами мостику, перекинутому через ручей, бегущий с гор и впадавший в реку, она не удержалась и плюхнулась в ледяную, даже в середине лета, воду.

Вытащил её из ручья, сосед – дядя Вова, случайно оказавшийся здесь.

Потом Нина почти месяц болела. У неё признали менингит. Вылечившись, она вернулась в детский сад, но обида на воспитательницу, подсунувшую, от жадности, чужие объедки, осталась, и Нина никогда-никогда не смогла её простить. Ну не могла и всё!

Даже сейчас, находясь далеко-далеко от того злосчастливого дня, она помнила всё до мельчайших подробностей, как-будто это произошло вот только сейчас, только что.

И ещё один небольшой эпизод из того времени, но не связанный с детским садом, запомнился ей.

Как-то мама пошла в районный клуб «посмотреть» художественный фильм, и Нина напросилась взять её с собой. Она первый раз в жизни шла смотреть взрослое кино, и очень гордилась этим. Нина до того загордилась, что даже не стала показывать язык повстречавшейся им на пути подруге, Наташке, а важно прошествовала мимо, держась за мамину руку.

Место досталось им в третьем ряду. Мама посадила её к себе на колени, и Нина стала ждать начала фильма. Пока фильм не начался, Нина с интересом стала осматриваться вокруг: столько людей в одном месте она ещё ни разу в жизни не видела.

Вокруг все разговаривали, а потом она увидела, как тётя-контролёр, держа за ухо знакомого ей мальчика, повела его к выходу. Он вырывался и что-то говорил тёте, но Нина, из-за стоящего вокруг шума, не расслышала, а мама, посмотрев туда же, равнодушно сказала: «Зайца повели».

Нина огляделась вокруг в поисках зайца, но не увидела, и страшно удивилась – откуда в кино могут быть зайцы? А потом поняла, о ком говорит мама. «Какой же это заяц?» –

удивлённо спросила она, и решила исправить мамину ошибку, исправить несправедливость. «И вообще это не заяц, сказала она, это Гриша Пирогов – братик Наташкин, моей подружки!»

Они ещё немного посидели. Она уже начала было скучать, как вдруг услышала, как соседка сказала маме: «Неудобные у нас с вами места, очень близко от экрана – глаза будет резать».

Тут Нина, по-настоящему, испугалась. Ей было жалко своих глаз и, маминых тоже. От испуга она заплакала, и стала просить маму пойти домой, но тут свет выключили, и началось кино...

На экране пошли какие-то закорючки, большие и маленькие – она даже не успевала их рассмотреть, и ей стало совсем скучно. Она ждала картинок, а их всё не было и не было. Так и не дождавшись картинок, она нечаянно уснула.

Разбудила её мама. В зале было светло. «Мама, а когда же будут показывать кино?» – спросила она. «Кино ты, доча, тихо, мирно, проспала. Вставай, соня, пошли домой...»

* * *

Закончив десятый класс Предгорненской средней школы, она уехала поступать в Семипалатинский геологоразведочный техникум – как тогда говорили, по зову души. Сдала все экзамены, но не прошла по конкурсу. Мальчишек, с таким же количеством баллов, всех зачислили на третий курс, а она – девчонка – так сказала всё знающая соседка по комнате в общезитии.

Соседка, более уверенная в себе, объяснила ей, почему произошла такая несправедливость – их не приняли из-за «половой» дискриминации, и предложила: чтобы год напрасно не пропал, отнеси документы в медицинский техникум. В нём, в это время, должны были сдавать вступительные экзамены абитуриенты второго потока.

Они пошли вместе в приёмную комиссию, и сдали документы. Нина, по какому-то внутреннему наитию что-ли, вложила в документы экзаменационный лист геологоразведочного техникума, с очень даже приличными отметками.

И случилось неожиданное для неё событие: на следующий день её пригласили в канцелярию медучилища и выдали, даже без сдачи вступительных экзаменов, студенческий билет, объяснив, что её зачислили на фармацевтическое отделение, так как на «лечебном» – полный комплект. А ещё ей сказали, если она пожелает, то при первом же освободившемся месте на лечфаке, её переведут на лечебное отделение.

Нина согласилась и, впоследствии, нисколько не жалела, что стала фармацевтом, а не плохим врачом...

Закончив учёбу и получив диплом, она, по направлению, как молодой специалист, вернулась в село Предгорное, и стала работать в местной районной аптеке.

Вероятно, ей повезло. Она была рядом со своими подругами и друзьями, а главное – рядом была мама! Мама, такая добрая и заботливая!

Они продолжали жить вдвоём в однокомнатном, старом деревянном домике на «Стрелке», почти рядом с пристанью. Мама работала на местном молокозаводе. И, частенько, утром, собравшись, они вместе выходили из дома, и шли на работу – она в аптеку, а мама в свой цех – делать сыр и сметану.

Прошло лето, затем, осень, а там уж и первый снег прикрыл землю.

* * *

Как-то Нина пришла в гости к своей подруге по работе, та её настойчиво и неоднократно приглашала к себе, говоря при этом заговорщическим тоном: «Я тебя познакомлю со своим братом, у меня отличный брат, не пожалеешь. Он только что вернулся из армии, и у него нет девушки, я тебе гарантирую».

И так уж она его расхваливала, так расхваливала, что..., Нину, в конце-концов, одолело любопытство, и она согласилась прийти к ним, ну и... познакомиться с демобилизованным солдатом.

Так уж получилось, что Пётр Кайгородов понравился ей с первого взгляда, и они начали встречаться, тем более, что все вокруг нащёптывали – «какая вы замечательная пара! Ты будешь как сыр в масле кататься. У него родители богатые, и дом у них „Дай Боже всем такой иметь“».

Мама тоже уговаривала – «Выходи замуж, да выходи замуж, а то потом поздно будет. Холостых-то парней у нас, в Предгорном, раз-два и обчёлся...»

В общем, совместным хором-приговором Нину сосватали.

Пётр устроился работать шофёром на молокозавод, а через полгода они сыграли богатую свадьбу.

Нина перешла жить к своему мужу, то есть, вошла в их семью. Но с первых же дней её появления в его, вернее, его родителей доме, какое-то странное отношение возникло у новой родни к ней. Ни свёкор, ни свекровь, не сказали ей ни одного ласкового слова. Только и слышала она – «Ты, почему не приготовила ужин? Петя вот-вот придёт с работы, а у тебя нечем его накормить. Или – «Ты плохо ухаживаешь за своим мужем, он пошёл на работу в неглаженной рубашке...»

Нина крепилась, старалась угодить и мужу и свёкру со свекровью, крутилась белкой в колесе по дому и в огороде, бегала на работу, но ничего не помогало. Особенно ей стало тяжело и обидно, когда она поняла, что беременна, и у них с Петром будет ребёнок.

Я ведь тоже работаю, говорила она себе, а его родители целыми днями сиднем сидят дома, палец о палец не ударят и, вместо того, чтобы помочь...

Однажды, доведённая до отчаяния, она пожаловалась Петру, а он..., он презрительно посмотрел на неё, и грубо ответил: «Это мои родители, изволь уважать их», а через день пришёл домой пьяный, и избил её ни за что, ни про что.

От неожиданности, боли и обиды, она даже не могла уразуметь, за что же он её так жестоко избивает, и только старалась прикрыть руками уже заметно увеличившийся живот.

Начались ежедневные издевательства со стороны мужа. Родители только поощряли его в этом. Потом она узнала, у него всё это время была любовница и..., что оказалось самым страшным – до ухода в армию он здорово пил, а его сестра это от неё скрывала.

Его родителям и старшей сестре срочно нужно было женить Петра, чтобы он вновь не запил..., и они выбрали её – молодую, образованную, но совершенно не разбирающуюся в людях, девушку.

Маме она ничего не рассказывала, боясь причинить той боль, да и стыдно ей было. Как могла, прятала синяки. Это оказалось не трудно. Пётр знал как бить, и бил умеючи.

Она жила словно в аду, в вечном страхе перед пьяным мужем и возможностью обнаружения её горькой жизни.

А Пётр опускался всё ниже и ниже, скатываясь до алкоголика. Его родители во всём винили её, приписывая ей даже те грехи, о которых она – «Ни сном, ни духом»...

После очередного запоя на Петра напал приступ ревности. Он, выпив, пришёл к ней в аптеку и, увидев, что она разговаривает с покупателем, устроил скандал...

Потом это начало повторяться чуть ли не каждый день.

Оставалось одно – начать лечить его от алкоголизма, но тут появилось препятствие со стороны его родителей. Они категорически были против его лечения, говоря: «Он не алкоголик. Подумаешь, выпил! Все пьют! Будь поласковой с ним, и он не будет пить».

Всё же она смогла, в минуту его просветления, уговорить пойти лечиться. Его родители, узнав, что он согласился, запретили ему ложиться в стационар. Тогда она сама повела его в больницу, а потом, каждый день сопровождала его на медицинские процедуры.

Кажется, помогло – обрадовалась она.

Продержался он месяца полтора после лечения, а затем всё началось вновь. С работы его уволили два месяца назад, и даже разнорабочим никто не хотел его брать. Село – это не город. Здесь все, о всех – знают. Выплыла на всеобщее обсуждение и их с Петром жизнь.

Начались суды-пересуды кумушек, и досужие вымыслы всех без разбора – интересная же тема, чужая семейная жизнь! А тут ещё, от беспросветной жизни с мужем-алкоголиком и его бездушными родителями, от нервного истощения, у неё случился выкидыш, и она не знала – радоваться ей или плакать.

Она настолько была забита и унижена, что ни на какие эмоции у неё уже не хватало сил: она перестала обращать внимание, когда вслед ей оглядывались и говорили: «Видишь вон ту, аптекаршу, довела мужа – запил!».

Сплетни, сплетни, и опять сплетни, разносимые по райцентру, передаваемые вслух и на ушко. Даже сильный человек от такой жизни иногда ломается, что же взять от хрупкой, слабой женщины, совсем недавно начавшей семейную жизнь. Нина – совсем ещё молодая, жизнерадостная девушка, широко распахнутыми глазами смотрящая на мир, и ожидающая от жизни счастья и любви, получила совершенно противоположное!

Каждый день, избиваемая мужем-алкоголиком, и постоянно третируемая его родителями, она в конце-концов не выдержала. Нет, она не стала травиться, резать вены, или кончать жизнь каким-либо другим способом, нет, её разум ещё не настолько помутился. У неё хватило сил, чтобы молча собрать вещи и, сказав ему и его родителям: «Прощайте», навсегда уехать из района в город Усть-Каменогорск.

Глава двенадцатая

КИРИЛЛ

Он не сразу уехал в Семипалатинск. Билеты были только на последний рейс. До отхода автобуса была ещё уйма времени. На рынок возвращаться ему совершенно не хотелось, поэтому он, не долго думая, пошёл домой, благо жили они неподалёку от автовокзала. Несколько шагов и – дома. Повалялся на диване, попил водички, а потом решил написать Нине записку, чтобы напрасно не волновалась.

Взглянув на часы, Кирилл ужаснулся – до отхода автобуса оставалось не более двадцати минут. Быстро выскочил из квартиры и помчался на автостанцию, успев по пути купить несколько пирожков.

Пересекая улицу перед автовокзалом, ему нечаянно вспомнился давно произошедший с ним случай. Он тогда тоже переходил на другую сторону улицы, и вдруг услышал резкую, непрекращающуюся трель звонка трамвая. Не понимая, что могло случиться, он оглянулся и..., на мгновение замер с удивлённо раскрытым ртом. А ещё через мгновение..., бросился сломя голову в бега...

За ним, надрываясь звонком, мчался трамвай, и не по рельсам, а прямо по улице. И ещё он увидел в кабине трамвая вагоновожатую, машущую ему обеими руками и что-то кричавшую ему через лобовое стекло. Казалось, она пыталась сказать ему: «Уйди с дороги придурок, не видишь что ли, трамвай едет!» Тут, как назло, он споткнулся и упал...

А трамвай всё ближе и ближе!

Тогда Кирилл, совсем потерявшись от страха, не вставая, на четвереньках помчался от него...

Страшная по своей красоте картина, усмехнулся Кирилл, вспомнив этот случай: он, тогда, быстро работая руками и ногами, на четвереньках, словно заяц от легавой, мчался вдоль по улице, а за ним чесал трамвай, и верещал. Народу собралось..., как на цирковом представлении. Все, раскрыв рты, с огромным удовольствием глазели на его «спринтерский бег на четвереньках» от трамвая.

Когда трамвай всё же остановился, он поднялся, а к нему, вся зелёная, как лягушка на болоте, подбежала вагоновожатая, и давай его костерить: «Идиот ненормальный, ты что совсем ослеп, трамвай пропустить не можешь?!» А он, весь побледневший от страха и непонимания происходящего, ей отвечает: «Так, трамвай же должен по рельсам бегать. Они воон где», и показал пальцем, где должен ездить трамвай. А она, вдруг, как зарыдает и..., говорит: «Третий день самостоятельно ездю. До сих пор всё хорошо было, а тут он как взбесился, когда увидел тебя: я его останавливаю, а он не слушается, за тобой гонится... Ты, наверное, часто без билета ездил, вот он и узнал тебя, зайца-безбилетника, решил наказать...».

Извините, говорю ей, дамочка (а у самого губы от непрошедшего ещё страха были, наверное, белые и тряслись), я женился недавно, так что, нечего за мной гоняться, хотя бы и на трамвае...

Тут она опять, как зарыдает, как закричит: «Дурак! Дурак! Настоящий дурак!

Кириллу повезло. Нет – дважды повезло! Во-первых – автобус, который его вёз, был венгерский «Икарус», во-вторых – место было у входной двери. Здесь было посвободнее ногам, прохладнее, и Кирилл, с удобством разместившись, откинул голову на подушку подголовника, и почти сразу же уснул.

Проснулся он только при подъезде к Семипалатинску, выспавшийся и отдохнувший.

Зайдя на автостанции в туалетную комнату, он умылся и тщательно почистил зубы, убирая запах перегара. Не дай Бог, Светка унюхает!

Они с Ниной тщательно скрывали его загулы. И ещё раз ему повезло – остановка нужного ему автобуса, в сторону православной церкви, располагалась рядом с автовокзалом.

Так, на полосе везения, он впервые нажал кнопку электрического звонка нового Светкиного дома, теперешнего её дома – дома её и Николая, их зятя.

* * *

На следующее утро, войдя в огромную залу, первое, что он увидел – зарёванную Светлану, примостившуюся на мягком диване, и вытиравшую слёзы кулачком.

Да, среди белой с позолотой прекрасной мебели, освещённая утренними лучами солнца, сидела его ласковая, нежная дочь, похожая на жемчужину в раковине, и плакала. Слёзы текли по её щекам, и падали-падали, капля за каплей, а она не успевала их вытирать.

В таком состоянии Кирилл ещё никогда не видел свою любимую дочурку, и это выбило его из колеи, заставило гулко забиться и сразу же зануть, сердце.

Что-то часто у меня стало пошаливать оно – мелькнула тревожная мысль и, не дождавшись её окончания, он бросился к дочери, обнял, и стал нежно гладить по голове, как в детстве, успокаивая:

– Светочка, дочка, что случилось, маленькая моя? – совсем разволновался, Кирилл. Скажи папе! Какое горе у тебя приключилось? Может муж обидел? – почему-то сразу подумал он.

– Пап-поч-ка... Мил-ленький..., – сквозь слёзы, заикаясь, пыталась говорить она. Ник-ник-колая..., – она опять громко зарыдала, так и не закончив говорить, что же случилось с её мужем.

– Да что случилось-то с твоим Николаем? Ну, успокойся, доча, перестань плакать, а то я так ничего не пойму, – уговаривал он её, продолжая гладить по голове.

Но объяснения так и не дождался – Светлана продолжала рыдать.

Больше не задавая вопросов, он тихо сидел приобняв её и ждал. Ждал, когда его дочь, его любимица, его светлячок, хоть немного успокоится.

Постепенно слёзы перестали литься по её щекам, и она, пошмыгав носом, более-менее связно смогла поведать о случившемся.

То, о чём она рассказала, было как гром среди ясного неба:

Она уснула под утро, так и не дождавшись Николая, или хотя бы звонка от него. Разбудил её какой-то посторонний звук, ворвавшийся в совершенно кошмарный, тяжёлый сон. Вначале она не поняла, что это так настойчиво трезвонит рядом с ней.

Потом, пробившаяся в ещё затуманенное сном сознание, мысль, подсказала – телефон.... Рядом с ней надрывался телефон. Казалось, он пытался достучаться до неё, разбудить её сознание – он говорил, он кричал: «Послушай меня, послушай, я хочу сообщить тебе очень важную весть!»

Она схватилась за трубку, как утопающий хватается за соломинку, но та выскользнула из её, сразу повлажневших от волнения и откуда-то появившегося страха, рук. Наконец она подобрала её и, севшим от волнения голосом, спросила:

– Коля, это ты?

И зачастила, зачастила, захлёбываясь словами, и торопясь сразу всё сказать своему Коленьке, не давая ему вставить хоть одно слово.

...Коля, ты где? Ты, почему не приехал домой? Что случилось? Я вся испереживалась и переволновалась! Что-нибудь случилось на работе? Ты не заболел? У тебя всё в порядке? Когда придёшь?

– Мне, папа, не было дела, до какой-то там, грамматики и правил построения речи – мне необходимо было знать, что случилось с моим любимым человеком? Не угрожает ли ему какая опасность и, могу ли я, вот прямо сейчас, в данный момент, помочь ему? – рассказывала она отцу. – Пойми меня правильно...

...Да, папа, мне, действительно, звонил Николай, продолжила она, всхлипывая. Его голос я бы узнала из тысячи голосов. То, что я поняла из его слов, повергло меня в неопикуемый ужас. На какой-то миг я даже потеряла дар речи, и только могла беззвучно шевелить помертвевшими от волнения, губами...

Её Николай, её кровиночка, сидит в тюремной камере за какой-то наезд на человека.... Но, папа, этого не может быть!!! Это какая-то ошибка полиции! Она сейчас, вот только чуть-чуть успокоится и приведёт себя в порядок, поедет к самому главному начальнику, и объяснит ошибочность их обвинения! Да она поднимет весь народ в автопарке и защитит мужа!

– Света, дальше-то, что? Что говорил твой муж, объяснил что-нибудь?

– Дальше?

Казалось, дочь не сразу поняла вопрос отца и, подняв покрасневшие от слёз глаза, замолчала...

– Ааа... дальше... Что, папа, дальше?

– Что сказал тебе Николай? Ведь он же говорил что-то, не молчал?

– Аа-а... Николай рассказал мне, что с ним случилось, и попросил принести смену белья и..., позвонить в автопарк, Зине, это его секретарша, чтобы она отложила намеченные на сегодня встречи, и попросила его зама, прийти к нему в полицию для разговора. Не переживай, сказал он прощаясь, я ни в чём не виноват. Верь мне!

Папа, я ему верю. Верю, как... самой себе. Верю безоглядно, ни на секунду не сомневаюсь в его невиновности. Мой Коля не может совершить ничего плохого...! Вот почему я плакала, папа.

И крупные, величиной с горошину, светлой и чистой девичьей души, слёзы, вновь безудержно, словно два ручейка, потекли из её изумрудных глаз.

– Даа..., только и смог произнести Кирилл, выслушав рассказ дочери.

– Ну, что мне делать, папа?! Я так волнуюсь!.. Даже представить себе не могу, сквозь рыдания, прерываясь на каждом слове, спрашивала и просила совета она у отца. – Николай..., мой Николай среди преступников!

– Света, посиди тихо, успокойся, ладно? Мне нужно... подумать.

Они сидели рядом, молча, отец и дочь, и каждый думал о Николае, о так неожиданно посетившем этот прекрасный дом горе и, что может их ожидать в будущем.

Кирилл, не зная подробностей дела, не мог предложить какой-либо план действий. Для его составления необходимо знать подробности, которые дочь поведать ему не могла. Значит? Значит, нужна встреча с Николаем – это, во-первых. А во-вторых..., желательно, ознакомиться с материалами дела.

Далее.... Я совершенно забыл расположение и направление улиц города, тем более, что город, за тридцать с лишним лет, здорово изменился. Поэтому, что? Поэтому, необходимо приобрести карту города и, поможет мне в этом Светка...

Мозг, много лет бездействовавший из-за отсутствия умственной работы, и почти ежедневного отравления алкоголем, медленно просыпался. Кирилл чувствовал, как от напряжения начало ломить в висках, и даже показалось ему на какое-то мгновение – извилины мозга зашевелились.

Давай..., давай! Шевелись! Работай! – стал подгонять он мозг. Хватит, побездельничал! Видишь..., у дочери... вон какое горе-несчастье. Может вообще без мужа остаться.

Так, в тишине, и при общем молчании, только изредка прерываемом тяжёлыми вздохами всхлипывающей дочери, они просидели минут десять-пятнадцать.

– Света, ты сначала в больницу сходишь? – поинтересовался Кирилл, когда дочь немного успокоилась, или сразу поедешь... в тюрьму, к мужу?

– Я отпросилась у заведующей до обеда. Она меня подстрахует. – Папа, поедем сразу к Николаю, а то я умру от беспокойства. Я только приведу себя в порядок, и соберу кое-какие вещи для него..., ну, что он просил. Ты подожди, я быстро.

* * *

Кирилл, а следом и Светлана, вышли из дома. Уже находясь на крыльце их догнал настойчивый зуммер телефона.

Светлана бросилась назад, чуть не споткнувшись об порог.

– Аллю! Кто звонит? Я слушаю вас!

Донёсся до Кирилла взволнованный голос Светланы.

...Говорите же! Я вас слушаю...

Некоторое время Кирилл ничего не слышал, затем, до него донеслось возмущённое: «Да, как вы смеете!» И через мгновение в дверях дома показалась дочь. Лицо её было бледно и сердито.

– Света, в чём дело? Кто звонил, если не секрет? Николай?

– Знаешь! Знаешь..., – она на мгновение замолчала, – звонил какой-то тип, по голосу мужчина.... Его голос мне совершенно не знаком.... Во всяком случае, я его не узнала. Это совершенно чужой человек. Он..., он...

– Не тяни, Светлана, говори толком, что он тебе сказал?

– Ой, папочка! Сначала в трубке была тишина, а когда я повторила вопрос «Кто звонит?» – он начал говорить такие..., такие..., странные... слова...

– Я рассержусь, Светка! Чего мямлишь? Быстро всё рассказывай!

Кирилл не на шутку встревожился. Что могли сказать его дочери по телефону такого, что так возмутило её. Вон, как рассердилась, аж вся побледнела.

– Он, папа, спросил: «Ну, как, красавица-недотрога, весело тебе...? То ли ещё будет!».

– Больше он тебе ничего не сказал? Он тебе не нагрубил?

– Нет. Я подождала, может он ещё что скажет, но он только дышал в трубку, и... молчал.

– Странно.... У тебя, что, появились личные враги? – обеспокоился Кирилл.

– Ну, что ты папа такое говоришь. Откуда? В моём-то возрасте и, враги.

– Свет! А, может..., что-то у Николая? Ты случайно ничего такого не слышала? – на всякий случай, поинтересовался Кирилл. Или..., он что-нибудь рассказывал?

– Не зна-ю-ю! Коля ничего такого не говорил. Если бы что-то было, он обязательно мне бы рассказал. У нас с Колей друг от друга секретов нет.

– Ладно, разберёмся! ...В какую сторону нам топать?

Кирилл взял дочь под руку и направился к воротам.

* * *

Свидания с Николаем им пришлось ждать больше часа. Кирилл почему-то не имел права на свидание, поэтому по кабинетам пришлось бегать Светлане. Наконец, Николая привели.

В несвежей рубашке и помятом костюме, да к тому же ещё и не бритый, он выглядел уставшим и намного старше своих лет. Под глазами, несмотря на его возраст (что такое тридцать семь лет для мужчины), набрякли тёмные мешки. Сейчас ему можно было смело дать все сорок пять, но увидев в кабинете Светлану, глаза его повеселели и он даже, казалось, помолодел.

Вот, что делает с человеком любовь, подумал Кирилл.

Кирилл смотрел, как Светлана бросилась к мужу, как начала его целовать, и у него защемило сердце от жалости к дочери, и пока ещё незнакомому ему, зятю. Ах, моя доченька! Девочка моя...! Не успела насладиться жизнью и, такой удар...

Нет, продолжала виться мысль дальше, не могла наша дочь выбрать себе в мужья плохого человека, не могла. Она всегда умела разбираться в людях. Наверное, поэтому и выбрала она трудную профессию врача – престижную, но трудную профессию, если к ней относиться добросовестно.

– Светлана, может... ты прервёшься на время, и представишь меня своему мужу? – решил напомнить о себе Кирилл, и сделал несколько шагов в их сторону.

– Ах, да. Извини папа. – Коля, – Светка, с трудом оторвавшись от мужа, протянула в сторону отца руку, – это мой папа. Познакомьтесь!

Кирилл и Николай, одновременно протянув навстречу руки, испытующе поглядели друг на друга.

Рукопожатие, как определил Кирилл, у Николая было энергичным и твёрдым. Сильный характер, решил он. Такой не сломается. Надеюсь, выдержит временные трудности, если, конечно, не виноват. Ничего, что сейчас неважно выглядит, в конце-концов, кого тюрьма красила?

– Здравствуйте, Кирилл Владимирович. Рад с Вами познакомиться..., давно хотел..., только вот... не здесь конечно, и... не в таком непрезентабельном виде.

– Здравствуй, Николай! Светлана много о тебе рассказывала, жаль только – по телефону. Ну, да, ничего. Надеюсь, всё образуется в вашей жизни.

– Я тоже очень на это надеюсь..., очень!

– Сколько времени тебе дали на свидание? – поинтересовался Кирилл у зятя.

– Минут пятнадцать, не больше, – ответил он, и опять посмурнел.

– Света, ты посиди тихонько минут пять-десять, – попросил Кирилл дочь, мне нужно переговорить с твоим мужем, а потом я вас оставлю наедине. Хорошо?

– Да, папа. Я могу отойти, чтобы вам не мешать. Но даже не пошевелилась, чтобы разжать руки и выпустить мужа из объятий.

– Расскажи мне, Николай, всё, о чём говорил следователь, какое выдвинул обвинение.... Коротко, но, не упуская ключевых моментов. Сможешь?

– Да.

И Николай приступил к рассказу.

Кирилл внимательно слушал, изредка поглядывая то на него, то на дочь, а потом неожиданно, как всегда раньше делал, пристально, заглянул зятю прямо в глаза. Этот приём сбивал человека с подготовленной заранее речи и, если человек лгал, заставлял отводить взгляд.

Николай выдержал взгляд, ничуть не теряясь, и не теряя нити повествования.

Не врёт, решил Кирилл, но нужно ещё Светку более подробно расспросить. Может, ещё что-нибудь выужу.

Эти мысли, идущие параллельно слушанию, ничуть не отвлекали его, а только помогали выстраивать логическую цепочку последующих действий. Наконец Николай замолчал, вопросительно поглядывая то на него, то на жену, как бы спрашивая – ну, что скажете, особенно вы, теща? Видок то у вас, наконец-то объявившийся теще, не ахти какой респектабельный. Ехал-то к дочери с зятем знакомиться, мог бы и попримечнее одеться, ведь первая встреча всё-таки...

Кирилл всё это читал у него на лице, в его глазах, словно в раскрытой книге, и понимал – сейчас, в такой ситуации, у зятя нервы натянуты как гитарная струна. Не стоит обижаться, да и место не располагает. Нужно держать себя в узде, и не обращать внимания на некоторую недоверчивость и критичность ко мне. Придёт срок – выйдет отсюда, тогда и поговорим за чашкой «чая».

– Не помнишь фамилию следователя, ведущего твоё дело? – поинтересовался Кирилл, когда зять закончил своё горькое повествование.

– Кто будет вести дело, не знаю, а первый допрос проводил Акишев Ерлан Абзалович.

– А номер кабинета, где тебя допрашивали, случайно, не запомнил?

– Не пойму, зачем вам все эти подробности? – пожал плечами Николай.

– Коленька, – вступила в разговор Светлана, – папа не из праздного любопытства спрашивает. Может, он сможет каким-то образом помочь нам...

Как же, так и читалось в скептическом взгляде зятя, в таком-то виде? Да кто его слушать будет? Но всё же решил ответить: «Во втором этаже. Кабинет... номер... шесть».

– Николай, до свидания, – попрощался Кирилл, пожав руку зятю. Крепись! Не буду вам мешать. – Света, я тебя снаружи подожду.

Выйдя на свежий воздух, Кирилл огляделся, ища куда бы примоститься, но вокруг ни одной лавочки! Казалось, полицейские специально их не поставили, чтобы посетители, не дай Бог, не вздумали здесь задержаться.

Остановившись у угла здания, Кирилл задумался... Если исходить из рассказанного Николаем, то... машину угнал человек, знающий секрет отключения противоугонки, или... имеющий навык вскрытия автомашин такой марки, то есть, «специалист». И, третий случай – у угонщика был комплект ключей: или украденный, или скопированный. Николай говорит, что ключи он не терял, они у него всегда с собой...

Я, ему склонен верить. Он показался мне человеком правдивым и достаточно смелым, чтобы признавать свои ошибки. Думаю, нужно трясти Светлану...

А она, как говорится, «легка на помине». Из дверей следственного изолятора показалась Светлана. Вид у неё был расстроенный, а в глазах стояли слёзы. Видно было, какого труда ей стоило их удерживать, чтобы они не полились ручьём.

Ему было очень жаль её, но что он мог поделать? Только успокоить, по возможности. Тёплая волна любви к своему ребёнку..., к такому беззащитному и, незаслуженно обиженному жизнью, накрыла его, и он несколько раз тяжело вздохнул.

– Света, я здесь! – позвал он дочь чуть охрипшим от волнения голосом.

– Папа, ну как такое могло случиться? Кто это мог сделать? Я знаю, это не Николай, я в этом твёрдо уверена... Если бы это сделал он – он бы сразу признался, даже не сомневайся, он порядочный человек. Я же его всего-всего знаю.

– Постараемся быстро разобраться, Света. – Ты сейчас куда, в больницу?

– Да. Как я буду с больными разговаривать, ума не приложу...?

– Крепись. Всякое в жизни случается – и хорошее, и плохое... Надеюсь, в полиции разберутся. – Кстати! Ты ходила к следователю насчёт свидания..., он расспрашивал тебя о Николае? Ну..., вроде..., выходил ли он из дома..., или куда ездил...? Или ещё какие-нибудь каверзные, уточняющие вопросы, он тебе не задавал?

Светлана, вспомнив проведённую с мужем ночь, чуть покраснела, а чтобы отец не заметил её смущения, быстро ответила – он только спросил, где был Николай в ту ночь? – А, где же он мог быть, кроме дома? – я так и сказала. – Ой, пап! Мне нужно бежать, я опаздываю и, чмокнув отца в щеку, убежала.

* * *

Кирилл, смотря вслед дочери, ещё немного постоял, а потом отвернулся, и решительно зашагал в следственный отдел, благо он располагался неподалёку. Подойдя к окошку дежурного, он попросил пропустить его к следователю Акишеву, в шестой кабинет.

Дежурный – стареющий сержант, долго, изучающее рассматривал его.

Кирилл прекрасно понял столь пристальное внимание со стороны полицейского к своей персоне. Ну, какое впечатление может производить человек с трёхдневной щетиной на лице, к тому же в не очень свежей рубашке? Да добавьте к полноте картины ещё и помятые тёмные брюки и, не чищенные несколько дней, старенькие сандалеты?

«Ваше удостоверение!» – потребовал дежурный с таким видом, словно надеялся, что у Кирилла его не окажется и он, с полным на то основанием, пошлёт его куда подальше.

«Порядок, есть порядок», согласился в душе Кирилл и, достав из нагрудного кармана пиджака, предъявил удостоверение.

А дежурный вновь стал пристально рассматривать Кирилла, словно до этого, он, в течение пяти или больше минут, не делал то же самое.

– По какому вопросу? – «рублеными» фразами продолжил допрос дежурный.

– По поводу наезда на пешехода.

– По поводу наезда на пешехода? По-нят-но..., по-нят-но..., протянул сержант и, подняв трубку телефона, проговорил по-казахски несколько фраз. Затем, выслушав ответ, возвратил Кириллу удостоверение.

– Проходите!

Кирилл поднялся во второй этаж и, подойдя к кабинету, на двери которой красовалась цифра номер шесть, а чуть ниже была прикреплена металлическая табличка с надписью сделанной серебром на тёмно-синем фоне «Ст. следователь Акишев Е.А.», постучал в дверь. А услышав в ответ на свой стук «Войдите!», открыл.

В кабинете находились двое. Один – в полицейской форме – сидел за столом. Судя по количеству маленьких звёздочек на погонах и по одному просвету – старший лейтенант. Другой – в костюме, и с расстегнутым воротом рубашки, стоял у окна и что-то внимательно вычитывал в папке.

– Я бы хотел поговорить с капитаном Акишевым по поводу наезда на пешехода, – произнёс Кирилл, и посмотрел на стоявшего у окна человека в костюме.

– Вы, свидетель? – заинтересованно спросил тот, что у окна, и даже, как показалось Кириллу, вытянул шею в его сторону.

– Нет. Я тесть Николая Александровича Патина, обвиняемого в наезде.

Интерес к нему со стороны полицейских тут же пропал, и на лицах их появилось равнодушие, казалось, говорившее – ходят тут всякие, только работать мешают.

– Так, что же вы хотите от нас? – вновь спросил стоявший у окна, и представился: «Я капитан Акишев». Затем, продолжил: «Знаете..., следствие по факту наезда пока ещё в „производстве“, и мы ничего не можем сказать по поводу расследования», и пожал плечами... А, что, собственно, вы хотели?

– Я бы хотел, с вашего позволения, – перебил его Кирилл, – взглянуть на схему ДТП и заключение экспертизы по автомашине. Николай... мой зять, у него сейчас не то состояние, чтобы адекватно реагировать на происходящее. Я полчаса назад с ним беседовал – он не помнит подробностей экспертизы...

– Простите... э-э..., э-э..., господин..., как вы сказали Вас зовут?

– Кирилл Владимирович.... Кирилл Владимирович Соколов, – назвал себя Кирилл.

– Так вот, Кирилл Владимирович... Я не имею права знакомить с материалами дела посторонних лиц, а вы лицо для меня постороннее, хоть и говорите, что вы тесть господина... Патина Николая Александровича.

– Но я действительно тесть Николая, а моя дочь, Светлана Соколова, за ним замужем. Я надеюсь, это вы отрицать не будете? И потом, я же не прошу вас показать мне все материалы. Мне достаточно взглянуть одним глазком на заключение экспертизы и схему ДТП, – уже начинала раздражаться, чуть резче, чем он хотел бы, проговорил Кирилл. А чтобы вы не сомневались, что я настоящий тесть Николая и отец Светланы – вот моё удостоверение.

– Нет, нет, что вы! Я совершенно не сомневаюсь, что вы отец Светланы Кирилловны и тесть Патина Николая, но поймите и вы меня правильно...

– Капитан. Не всё, и не всегда, возможно подогнать под требования инструкции. У вас под следствием мой зять..., и я верю ему.

– Так все говорят, – сыронизировал старший лейтенант, вступив в разговор. – Ерлан, да дай ты человеку посмотреть «одним глазком» эти две бумажки...

Кирилл заметил, как он заговорщицки подмигнул капитану, казалось, он этим хотел сказать – это же тюфяк, он всё равно ничего не поймёт. Уважь деревню.

Кирилл мысленно усмехнулся – «Ах, как иногда излишнее самомнение может сыграть с человеком злую шутку».

Капитан, немного поразмышляв, открыл стоящий в углу несгораемый сейф, и достал оттуда папку, на которой было написано – «Дело №».

Глава тринадцатая

СВЕТЛАНА

Она прибежала в больницу, успев к окончанию утреннего обхода. В ординаторской, за своим столом, сидел и что-то писал Виктор Тимофеевич: её наставник, бывший дыхатель и, вообще – очень даже «ничего», человек.

– Здравьете, Виктор Тимофеич, – она слегка наклонила голову. Что новенького?

– И ты здравствуй, Красота Кирилловна! – шутливо поздоровался он, и поднял сжатую в кулак руку в знак приветствия.

С опозданием Вас, Светлана! Чай, спали сладенько на своей пуховой постельке с молодым-то муженьком? – и пытливо посмотрев на неё, с улыбкой, и немного коверкая слова, продолжил, – что-то ты, сегодня, бледненьки..., и глазки у вас красненьки.... Или случилось что?

– Случилось, Виктор Тимофеевич, такое случилось..., – и, спохватившись, что чуть не проговорила своему наставнику о Николае, замолчала.

– Светочка, ну, сколько раз просить тебя, не называть меня по имени и отчеству – обижаюте! Я, для тебя – просто Витя. – Так, что случилось, радость моя?

– Ну, Виктор... Тимофеевич, – не называйте, пожалуйста, меня так. Я не ваша радость, а... папина и мамина, и.... Она чуть было не произнесла – Николая.

Повисла неопределённая пауза, и чтобы как-то прервать её, Светлана, не смотря в сторону коллеги, проговорила: «Папа приехал. Пока то, да сё..., вот и задержалась. Но я... предупредила заведующую, что задержусь».

Почему она не назвала истинную причину задержки? – она и сама не поняла. Просто, неожиданно, что-то внутри неё сказала – не говори!

Надев халат и переобувшись, она села за свой стол, и стала просматривать истории болезней «своих» больных. У неё, слава Богу, сейчас не было «тяжёлых». Держа в руках историю больной Комковой она, собственно, не видела, что в ней написано, она была далеко отсюда, она была рядом с мужем...

Что же это за напасть такая, откуда она взялась? Они были так счастливы вместе, так счастливы и, на тебе! Всё кувырком. Коля в тюрьме.... Хорошо хоть он там вдвоём, с забавным дедом, а не с какими-то там, ворами и убийцами.... А, я? Одна в пустой квартире, без Коли.... Хорошо, что папа приехал, как чувствовал, что у нас с Колей неприятности.... Господи, спаси и помилуй нас!

Мысли, одна другой грустнее, наполняли голову, не давали сосредоточиться на записях сделанных её же рукой, и слёзы опять навернулись на глаза.

Чтобы скрыть их от постороннего взгляда, и не дать повода к досужим вымыслам, она вышла во двор.

Был октябрь месяц. На удивление – не моросило. День стоял погожий, тёплый день бабьего лета. Ещё не все деревья сбросили пожелтевшую листву, и лёгкий прохладный ветерок, как-бы шалая, нет-нет да тревожил их. А потом, увидев грустное личико Светланы, приблизился к ней, и коснулся ласковой ладошкой щеки: казалось, он хотел сказать – не плачь, всё плохое когда-нибудь заканчивается в жизни.

Светлана, несмотря на горе, поселившееся в её груди, улыбнулась в ответ на ласковое прикосновение шаловливого ветерка. Слёзы, готовые вот-вот пролиться, постепенно высохли и она, чуть успокоившись, вернулась в ординаторскую, к своим анамнезам и кардиограммам.

– Что это вы, Светочка, выбежали, как угорелая? – ненавязчиво поинтересовался Виктор Тимофеевич. А увидев её повлажневшие щёки и глаза, спросил, как показалось ей, с ехидцей: «От счастья плакали..., дорогая? Везёт же некоторым! Не то, что нам „сырым и убогим“», и состроив несчастное лицо, вернулся к своим бумагам.

Впервые Светлана прислушалась, *как и, что*, говорит её коллега, её наставник. Может быть, казалось её высокое эмоциональное напряжение, или сегодняшняя повышенная чувствительность к любой фальши, но ей очень не понравилась фамильярность его слов и тон, которым он говорил с ней. Только сегодня, только сейчас, она подумала – как же это я раньше не замечала, какой он противный и злой.

Но чтобы он не решил, что его слова как-то её задели, она, чуть усмехнувшись, ответила:

– Не знаю, не знаю! Вам ли, Виктор... Тимофеевич, – она специально сделала ударение на его отчестве, – обижаться на судьбу. Вокруг Вас женщины так и вьются, так и вьются, и в отделении..., – она постаралась придать сарказм своим словам, – Вас так... уважают! Ну, все, все – и медсёстры, и больные.

И неожиданно для неё он промолчал, он не ответил.

Неужели он не почувствовал сарказма в моих словах – неужели он настолько глуп? – спросила она себя, или... А вот это «или» её очень насторожило. Она точно знала – он не глуп. Тогда..., почему он промолчал? Почему не ответил ей в своей всегдашней манере человека остроумного, не лезущего за словом в карман...? Почему...?

Не может же под маской доброты и участливости, вечных шуток-прибауток и обезоруживающей улыбки на лице, скрываться злой, мстительный человек? Нет, нет! Не может такого быть, решила она. Я, всего-навсего, ошибаюсь по молодости и отсутствия жизненного опыта. Да, точно – я ошибаюсь! – успокаивала она себя.

Какая же я дура, чтобы так плохо думать о хорошем человеке, о своём руководителе.... И она бы ещё долго продолжала казнить себя, если бы её не прервал скрип открывшейся двери и голоса: в ординаторскую входили закончившие врачебный обход своих палат её сослуживцы.

Послышался чей-то смех в ответ на кем-то рассказанный анекдот, зазвенела посуда – подошло время обеда. А Светлана всё никак не могла прийти в себя от своего открытия, и то,

что происходило в ординаторской проходило мимо её сознания. Она слышала и не слышала. Она, слышала, но сознание её не воспринимало окружающее пространство. Она была далеко!

* * *

Глубоко в подсознании, сначала неуверенно, а затем всё настойчивее и настойчивее, стала пробиваться какая-то мысль. Она, казалось, была похожа на подземный ручеёк, готовый вот-вот пробиться на поверхность земли и разлиться полноводным потоком.

И она пробилась, и выплеснулась на поверхность сознания широким, всё сметающим на своём пути, потоком.

Как я могла? Как могла я так плохо поступить со своей свекровью? Со своей второй мамой? Бог накажет меня за такое упущение! Я словно моллюск забралась со своим горем в раковину себялюбия, и совершенно забыла сообщить ей о Коле, казнила она себя. А ведь она его мама. Она родила и вынянчила его.... Она... благословила нашу любовь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.